

СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ X—XVII вв.¹

Национальное своеобразие литературы, как известно, состоит не только в неких постоянных признаках содержания и формы, отличающих ее от других национальных литератур, в неких неизменных идеях, эмоциональном строе или моральных качествах, сопутствующих всем произведениям этой литературы.

Национальный характер — это и особенности исторического пути литературы, особенности ее развивающегося взаимоотношения с действительностью, особенности меняющегося положения литературы в обществе — ее общественной «позиции». Следовательно, для определения национального своеобразия литературы важны не только стабильные, неизменяемые моменты, ее общая характеристика, но и самый характер развития, характер отношений, в которые вступает литература; не только черты, присущие литературе как таковой, но и положение ее в культуре страны, ее взаимоотношение со всеми другими сферами человеческой деятельности. Отличительные особенности исторического пути литературы многое объясняют в ее национальном своеобразии и сами являются частью этого своеобразия.

Обычно черты национального своеобразия, взятые в их статике, служат оценивающими и «взвешивающими» литературу моментами. Всякая черта имеет точный смысл — и в своем происхождении и в своей функции, а потому не может служить материалом для суждения о достоинстве литературы. Детерминированность этих черт исключает их из сферы оценок. Сравнительные оценки в истории литературы возможны только там, где недостаточно выявлены происхождение, обусловленность и функции, связи оцениваемых фактов с остальным миром, где в той или иной мере предполагается индетерминированность, где факты абсолютизируются и изымаются из исторического процесса и исторического объяснения.

¹ Статья предлагает на обсуждение концепцию истории древней русской литературы четырехтомной «Истории русской литературы», подготовленной Пушкинским Домом.

Мы называем древностью то, что далеко от нас во времени. «Древний мир» — античность, «древняя» русская литература — ее XI—XVII века. Но если отвлечься от нас самих и считать не те годы, что отделяют нас от предмета, которым мы занимаемся, а только те годы, которые этот предмет изучения прожил сам, то, пожалуй, русскую литературу XI—XII вв. надо относить к ее младенческому периоду, а всю так называемую древнюю русскую литературу считать молодой. Жизнь есть жизнь, и она течет не в обратном направлении.

Это небольшое рассуждение принципиально важно, так как ниже я хочу рассмотреть жизнь русской литературы X—XVII вв., от ее рождения и до начала ее зрелых лет.

Русская литература — часть русской истории. Она отражает русскую действительность, но и составляет одну из ее важнейших сторон. Без русской литературы невозможно представить себе русскую историю и уж конечно русскую культуру.

И вот на что следует при этом обратить особое внимание. Человеческая история едина. Путь каждого народа «в своем идеале» сходен с путями других народов. Он подчинен общим законам развития человеческого общества. Это положение — одно из самых существенных завоеваний марксизма. Народы в своем «нормальном» развитии проходят через культурную стадию античности (соответствующей рабовладельческой формации), средневековья (соответствующего феодализму) и Возрождения (соответствующего ранней стадии развития капитализма). Я не касаюсь сейчас других эпох в истории культуры, но в отношении перечисленных следует сказать, что они общи всем народам, проходящим «полный», «нормальный» путь исторического развития.

Однако отдельные народы, как хорошо известно, могут миновать ту или иную историческую стадию. При этом культура в своем развитии использует опыт других народов. Это хорошо изложено Н. И. Конрадом в его книге «Запад и Восток» (М., 1966). Сходные мысли об использовании культурного опыта других народов при пропуске той или иной стадии исторического развития, но только на материале одной, болгарской литературы высказывает Г. Д. Гачев в книге «Ускоренное развитие литературы» (М., 1964).

ЛИТЕРАТУРА РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА

Как хорошо показал Б. Д. Греков — создатель советской концепции развития русской истории X—XVII вв., как и большинство других народов Европы, Русь миновала рабовладельческую формацию. Поэтому Русь не знала античной стадии в развитии своей культуры. Этот огромной важности исторический факт не был до сих пор достаточно осмыслен историками русской культуры и историками русской литературы в частности.

Непосредственно от общинно-патриархальной формации восточные славяне перешли к феодализму. Этот переход совершился необыкновенно быстро на огромной территории, населенной восточнославянскими племенами и различными угро-финскими народностями.

Отсутствие той или иной стадии в историческом развитии требует свой «компенсации», восполнения. Помощь обычно приходит от идеологии, от культуры, черпающих при этих обстоятельствах свои силы в опыте соседних народов. Появление литературы, и притом литературы для своего времени высоко совершенной, могло осуществиться только благодаря культурной помощи соседних стран — Византии и Болгарии. При этом я хочу подчеркнуть особое значение культурного опыта Болгарии. Регулярная письменность и литература в Болгарию явились на столетие раньше в сходных условиях: Болгария также не знала в основном рабовладельческой формации и усвоила культурный опыт той же Византии. Разумеется, я имею в виду не территорию Болгарии, где различные народы сменяли друг друга и где рабовладельческая формация существовала, а страну, населенную болгарами, у которых рабства не было, как и на Руси. Болгария совершила усвоение византийской культуры в обстоятельствах, близких тем, которые создались затем на Руси при усвоении ею византийской и болгарской культуры; Русь получила византийский культурный опыт не только в его непосредственном состоянии, но и в «адаптированном» Болгарией виде, приспособленном к нуждам феодализирующегося общества.

И еще одна черта византийско-болгарской культуры имела существеннейшее значение для ее «трансплантации» на Русь. Византия и византийская культура отличались многонациональным характером. Византийская культура создавалась во всех средиземноморских и черномор-

ских районах от Кавказа на Востоке и до Сицилии и Венеции на Западе. Она не была национально единой и национально ограниченной. Древнеболгарская культура X в., положившая начало собственно болгарской, также не была узконациональной. Проповедь Кирилла и Мефодия была обращена ко всему славянству, она не ограничивалась непосредственными нуждами Моравии и Болгарии, не замыкалась в национальных интересах. Широкий взгляд на судьбы человечества характеризует всех первых южнославянских писателей.

Древнеболгарская литература не ограничилась темами, связанными только с местным, болгарским укладом жизни, с местными политическими волнениями своей эпохи. Она очень быстро стала литературой зрелой, «взрослой», философски глубокой и сложной, учитывающей многовековой опыт многонациональной византийской литературы, в создании которой в свое время сыграли заметную роль и сами славяне.

В этом сочетании собственно болгарских и общечеловеческих тем — национальное своеобразие древнеболгарской литературы. Болгарские писатели обращаются не только к болгарским читателям, а ко всем людям, ко всем народам. И при этом их не покидает уверенность, что они пишут на языке, понятном для всех славян.

Древнеболгарские памятники говорят о деятелях Болгарии как о деятелях всего славянства и о просвещении славян как о факте распространения христианства на весь мир. Болгарское самосознание, необыкновенно интенсивное для народа, только что выступившего на мировую арену, не отделяло Болгарию от всей вселенной, не замыкало болгарский народ в его узконациональных политических и культурных интересах, а было преисполнено живой уверенности в общемировом значении Болгарии. Мы так привыкли к этой удивительной черте древнеболгарской литературы, что перестали ее замечать и придавать ей значение. Между тем именно эта черта характерна не только для памятников письменности, но и для всей деятельности Кирилла и Мефодия. Она отразилась в Пространном житии Кирилла и в Пространном житии Мефодия, в кратком житии Кирилла, в житиях Наума, в сочинениях Климента Охридского, Константина Преславского — в его Учительном Евангелии, Азбучной молитве, Прогласе. Эта же черта характерна для сочинения Черноризца Храбра о письменах.

Личность Кирилла-Константина и личность Мефодия как нельзя лучше соответствовали не только их исторической миссии, но миссии всей древнеболгарской культуры.

К своей общеславянской и, больше того, общеевропейской деятельности Кирилл-Константин был хорошо подготовлен; помимо болгарского и греческого он знал латинский, еврейский и арабский языки. По-видимому, в начале 50-х годов он ездил с религиозной миссией в Болгарию, был в Сирии, путешествовал к хазарам, был в Крыму — в Херсонесе. Он не был только болгарским деятелем — он проповедовал в Моравии и Паннонии.

Распространение христианства Кириллом-Константином и Мефодием и их учениками не было омрачено попытками установить чье бы то ни было политическое господство. Их проповедь была апостолической. Она была связана с переездами из страны в страну. Литературный язык их сочинений, ставший затем церковным и литературным языком южных и восточных славян, а также румын, присоединял к болгарской основе отдельные местные черты и латинизмы.

Широта и открытый характер древнеболгарской культуры способствовали ее восприятию в других славянских странах. Древнеболгарская культура легла в основу культур других православных славянских и некоторых неславянских стран. И в этом ее огромное общеславянское и общеевропейское значение.

Роль древнеболгарского духовенства может быть сравнена с ролью ирландских монахов незадолго до этого. Культурный уровень ирландской церкви с конца IV и по VIII в. был наивысшим в Европе после Византии. Ирландские монахи добирались до Исландии и переходили на европейский континент, устанавливали связи даже с Египтом, разнося христианство, основывая монастырские культурные центры. Они в значительной мере создали «каролингский Ренессанс». Но отличие ирландских монахов от древнеболгарского духовенства в том, что ирландцы были сосредоточенными энтузиастами отречения от мира. Древнеболгарское духовенство было гораздо более «светским» и широким по своему духу.

Появление литературы такого высокого уровня, как литература древнеболгарская, кажется почти чудом. Поражают быстрота ее формирования и глубина ее общечеловеческого содержания, сложность выражаемых ею идей.

Чудо объясняется не только гениальностью Кирилла и Мефодия — оно объясняется прежде всего тем, что болгарский народ оказался способен все это воспринять. А способность к восприятию воспиталась в болгарском народе потому, что Болгария издавна была территорией великих культур и соседствовала с самыми просвещенными народами тогдашней Европы.

Болгарская литература восприняла многонациональные культурные традиции Византии. Вместе с тем сама почва Болгарии была напоена культурными соками античной Греции и Рима, фракийских племен, а также отдельных племен Азии и Европы. В Болгарии скрещивались пути военных походов и широкие дороги переселения народов. Болгария была страной, которая уже в силу одного своего географического и этнографического положения не могла иметь резко обозначенных и непреодолимых национальных границ.

Древнеболгарская литература служила посредницей в знакомстве всех других южно- и восточнославянских литератур с литературными произведениями Византии. Ведь не только переводы на русский, сербский языки, но и переводы на древнеболгарский язык с греческого распространяли произведения византийской литературы, которая в свою очередь очень часто служила посредницей своими переводами с арамейского, сирийского и т. д. Но больше всего, создав литературу, общую для всех стран православного славянства, Болгария способствовала общению между собой всех православных славянских стран. Это было бы невозможно без общего литературно-церковного языка, болгарского в своей основе. Сколько бы ни возражали против этого, приводя отдельные факты непонимания писцами языка других славянских стран, нельзя отрицать, что язык «высокой», церковной литературы был понятен во всех странах православного славянства. Если не понимался язык другой восточно- и южнославянской страны, то только в том случае, когда он был сильно осложнен местными чертами, был языком местным, близким к разговорному, а не литературным. Древнеболгарская литература легла в основу некоей общей для всех южных и восточных славянских народов литературы. Образовались своеобразные литература-посредник и язык-посредник. «Посредник» не между Византией и славянством, а между всеми православными славянскими народами. Славянские народы, на юге и востоке в первую

очередь, нашли между собой общий язык и совместно стали трудиться над продолжением и развитием подаренной им общей литературы. Роль Болгарии отнюдь не сводится только к роли «первоначального толчка» в развитии культуры-посредника. Ее творческое участие в развитии культуры-посредника было всегда очень активным, постоянным, а порой вновь и вновь основополагающим.

Действительно, до самого XVIII в. у народов православного славянства существовала обширная общая литература и общий литературно-церковный язык. Язык создавал свои местные, национальные модификации, но вместе с тем он все время как бы обращался вспять — к своим традиционным древнеболгарским формам и лексическому составу. Благодаря этой «оглядке назад» и постоянному обмену памятниками, рукописями славянские народы сохраняли совершенную систему общения между собой на самом высоком интеллектуальном уровне. Литература-посредник имела в своем составе не десятки, а сотни общих для всех южных и восточных славян памятников.

Важно отметить, что из Византии родственные наднациональные тенденции передались и в древнерусскую литературу. Последняя также способна была осознавать интересы человечества и всего христианства, восприняла этот же болгарский и «византийский» дух. Правда, эта тенденция в древнерусской литературе была затуплена рядом других не менее важных черт. Древнерусская литература при всем ее несравненном богатстве не выполняла и не должна была выполнять той же исторической миссии, которую с таким успехом осуществила древнеболгарская литература — и в отношении своей страны, и в отношении всего славянства. Однако в русской литературе ее «общеευропейскость» и общечеловечность в силу ряда благоприятных исторических причин дожила до нового времени. Именно эта черта русской культуры определила успех петровских реформ и резкий поворот в XVIII в. всей русской культуры к Западной Европе.

* * *

Быстрый рост древнерусской литературы в первые века ее существования был обусловлен исторической потребностью в литературе, вызванной тем, что переход от об-

щинно-патриархального строя непосредственно к феодализму, минуя рабовладельческую стадию, резко повысил роль идеологической помощи в развитии общества.

Существеннейшее значение имела близость древнерусского языка к древнеболгарскому, отсутствие труднопреодолимого языкового барьера. Памятники письменности не только переводились на Русь, но непосредственно переносились на Русь в рукописях из Болгарии. Столетний опыт Болгарии, собственный и переданный из Византии, непосредственно вошел в состав русской культуры. Древнеболгарский язык стал литературным языком Руси.

Необходимость в ускоренном развитии культуры создала на Руси высокую усвояемость культурных явлений Византии и Болгарии. Дело не только в потребностях, но и в том еще, что древнерусская культура в X и XI вв. в силу своей гибкой молодости обладала острой одаренностью к усвоению чужого опыта, повышенной «растворяющей способностью». Отсутствие глубоких традиций классовой культуры при бурном развитии классовых отношений заставляло русское общество впитывать и растворять чужие элементы классовой культуры и создавать свои собственные. Усвоение чужого шло так же интенсивно, как и построение своего. Пришедшая со стороны литература болгар в ее переводной, с греческого, и оригинальной болгарской части должна была перестроить свою жанровую систему. Эта перестройка осуществлялась в двух направлениях: в направлении отбора тех жанров, которые были необходимы, и в направлении создания новых жанров. Первое делалось уже при самом переносе литературных произведений в Древнюю Русь, второе требовало длительного времени и заняло несколько столетий. Создание новых жанров должно было ответить не только потребностям русской действительности вообще, но и тем потребностям, которые постоянно возникали вновь с изменением этой действительности, с появлением новых общественных ситуаций.

Возникновение новых жанров и изменение старых — это одна из самых важных линий в развитии русской литературы X—XVII вв.

Небольшая, но важная оговорка. Обычно в историях древней русской литературы ее возникновение относится к XI в., но отсчет этот ведется с момента создания первых известных нам оригинальных произведений. Между тем древнерусская литература возникает с появлением

первых литературных произведений — независимо от того, были ли они оригинальные, заимствованные из болгарской литературы или переводные. В широкой исторической перспективе при рассмотрении процессов образования литературы важен самый факт появления литературных произведений, а появление это относится, конечно, ко времени проникновения на Русь христианства с его потребностью в богослужебных книгах, содержащих тексты для песнопения и чтения в церкви.

Было бы неправильно думать, что система византийских жанров была целиком воспринята на Руси. Жанры были перенесены, но далеко не все. Византийская система была перенесена на Русь в своеобразно «укороченном» виде. Потребовались только те жанры, которые были непосредственно связаны с церковной жизнью, и жанры общемировоззренческие, отвечавшие новому отношению людей к природе.

И. П. Еремин в свое время предположил, что на Русь были перенесены только те произведения византийской литературы, которые были созданы на той же стадии общественного развития, на которой находилась и Русь в X—XIII вв., т. е., по его соображениям, произведения ранневизантийской литературы или раннехристианской.² Это его соображение методологически очень важно; важно отметить значение той стадии общественного развития, на которой и для которой созданы произведения литературы. Литературные произведения не безразличны к той действительности, которую они призваны обслуживать. Но вместе с тем, несмотря на всю свою методологическую прогрессивность, соображения И. П. Еремина в применении к конкретному материалу неверны по существу. Раннехристианская или ранневизантийская литературы вовсе не одностадиальны литературе Древней Руси. Имеется существенное различие в характере нарождающегося феодализма там и тут, в характере общества, переходящего к феодализму из рабовладельческой формации и имеющего за своими плечами колоссальный опыт античной литературы и философии (произведения отцов церкви), и общества, переходящего к феодализму непосредственно из общинно-патриархальной формации, имеющего в качестве собственного наследия только фольклор, только прими-

² *Еремин И. П.* Литература Древней Руси. М.; Л., 1966, с. 9—17.

тивный опыт языческой религии, только ограниченную культуру устных воинских, вечевых и судебных речей и т. д.

Поэтому перенос на Русь ранневизантийских произведений объясняется вовсе не тем, что они «стадиально» были более близки потребностям восточных славян в X—XIII вв., а тем, что именно они, произведения отцов церкви, связанные с периодом установления церковного обряда и регламентацией церковной жизни, были практически нужны для молодой христианской церкви на Руси — нужны для выполнения функций культа. Поэтому наряду с ними на Русь проникали и поздневизантийские памятники — в тех случаях, когда они тоже были необходимы.

Сложнее обстоит вопрос о переносе на Русь той системы жанров, которая успела за вековой период образоваться в Болгарии. Можно было бы предположить, что именно эта система была перенесена на Русь целиком. Исходное соображение для этого предположения следующее: Русь находилась на той же стадии общественного и культурного развития, что за столетие перед тем Болгария, которая, так же как и Русь, не имела рабовладельческой формации, соответствующей античности в культурном развитии. И действительно, между сохранившимися жанрами древнеболгарской литературы и сохранившимися жанрами древнерусской литературы имеется большое сходство. Если в литературе Руси исключить все те жанры, которые образовались в ней под влиянием чисто местных потребностей (об этих жанрах мы скажем в дальнейшем), то остаток будет равняться сохранившимся жанрам древнеболгарской литературы. Но вот вопрос: действительно ли сохранившиеся произведения болгарской литературы X—XIII вв. дают полное представление о системе жанров древнеболгарской литературы этого периода? Думаю, что нет.

Дело в том, что произведения древнеболгарской литературы в силу тяжелых исторических обстоятельств, в которых протекала жизнь болгарского народа, сохранились по преимуществу не в Болгарии, а у других славянских народов — в их рукописных собраниях и в их рукописной традиции. Поэтому произведения, связанные с местными, национальными интересами болгарского народа, например произведения исторические, публицистические, произведения, так или иначе интересные только для болгар, легко

могли исчезнуть бесследно. Историки древнеболгарской литературы, обратившие внимание на литературное значение исторических надписей (хана Омуртага, хана Маламира) и именника протоболгарских ханов и включившие их в историю древнеболгарской литературы, глубоко правы: эти надписи свидетельствуют о развитии историческом сознании, при котором существование произведений по родной истории было весьма вероятным.

Легко предположить поэтому, что древнеболгарская литература дошла до нас только в своей общехристианской части, только в той части своей системы, где были представлены жанры, важные для других славянских литератур. Иными словами, и древнеболгарская, перенесенная на Русь, жанровая система была «укороченной».

Итак, ни одна из систем жанров не была перенесена на Русь полностью. Поэтому потребности в восполнении жанровой системы были обусловлены неполнотой этих систем. Но самая основная причина необходимости появления новых жанров, отсутствовавших среди перенесенных на Русь, была не столько в потребностях полноты системы, сколько в потребностях древнерусской действительности. Обратимся к этим последним.

Жанры средневековой русской литературы были тесно связаны с их употреблением в быту — светском и церковном. В этом их отличие от жанров новой литературы, образующихся и развивающихся не столько из потребностей обихода, сколько из потребностей самой литературы и действительности.

В средние века все искусства, и в их числе литература, носили прикладной характер.³

Богослужение требовало определенных жанров, предназначенных для определенных же моментов церковной службы. Некоторые жанры имели свое назначение в сложном монастырском быту. Даже келейное чтение имело жанровую регламентацию. Отсюда несколько типов житий, несколько типов церковных песнопений, несколько типов книг, регламентирующих богослужение, церковный и монастырский быт, и т. д. В жанровую систему входили даже такие жанрово не повторяющиеся произведе-

³ См.: *Huizinga J. The waning of the Middle Ages. Penguin Books, 1965, p. 233—237.*

ния, как служебные евангелия, различные палеи и паремийники, апостольские послания и проч.

Уже из этого беглого и крайне обобщенного перечисления церковных жанров ясно, что часть из них могла развиваться в своих недрах новые произведения (например, жития святых, которые должны были создаваться в связи с новыми канонизациями), а часть жанров была строго ограничена существующими произведениями и создание новых произведений в их пределах было невозможно. Однако и те и другие не могли изменяться: формальные признаки жанров были строго регламентированы особенностями их употребления и внешними традиционными признаками (например, обязательные девять частей канонов и их обязательное отношение с ирмосами).

Несколько менее стеснены внешними формальными и традиционными требованиями были «светские» жанры, пришедшие к нам из Византии и Болгарии. Эти «светские» жанры (я беру слово «светские» в кавычки, так как, по существу, они были тоже церковными по содержанию, а «светскими» они были только по их назначению) не связывались с определенным употреблением в быту и поэтому были более свободными в своих внешних, формальных признаках. Я имею в виду такие познавательные жанры, как хроники, апокрифические рассказы (они очень различны по форме), и большие исторические повествования, как «Александрия», «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, отчасти «Девгениево деяние» и т. д.

Обслуживая регламентированный средневековый быт, жанровая система литературы, перенесенная на Русь из Византии и Болгарии, не удовлетворяла, однако, всех потребностей в художественном слове. Первым обратил внимание на это обстоятельство Р. Ягодич в своем докладе на IV Московском международном съезде славистов в 1958 г.⁴ В частности, Р. Ягодич указал на недостаточность развития лирики и лирических жанров.

На следующем международном съезде славистов (в 1963 г. в Софии) в своем докладе о жанровой системе Древней Руси⁵ я высказал предположение, что этот

⁴ Wiener Slavistisches Jahrbuch, 1957/58, Bd 6, S. 113—137.

⁵ Лихачев Д. С. 1) Система литературных жанров Древней Руси. — В кн.: Славянские литературы: Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963; 2) Поэтика древнерусской литературы. М.; Л., 1967, с. 40—66.

недостаток отчасти объясняется тем, что потребности в лирике и развлекательных жанрах удовлетворялись системой фольклора. Система книжных жанров и система устных жанров как бы дополняли друг друга. При этом система устных жанров, не охватывая собой потребностей церкви, была тем не менее относительно цельной, могла носить самостоятельный и всеобщий характер, заключала лирические и эпические жанры.

Грамотные верхи феодального общества имели в своем распоряжении и книжные и устные жанры. Неграмотные народные массы удовлетворяли свои потребности в художественном слове с помощью более универсальной, чем книжная, устной системы жанров. Книжность была только отчасти доступна народным массам через богослужение, а во всем остальном они были и исполнителями и слушателями фольклора.

Необходимо, однако, обратить внимание на следующее: жанровая система фольклора в средние века, по моему убеждению, была, так же как и литературная система жанров, тесно связана с обслуживанием быта. По существу, весь средневековый фольклор был обрядовым. Обрядовыми были не только все лирические жанры (разные типы свадебных песен, похоронных, праздничных и т. д.), но и эпические. Былины и исторические песни выросли из прославлений умерших или героев, оплакиваний военных поражений и других общественных бедствий. Сказки произносились в определенные бытовые моменты и могли иметь магические функции. Только в XVIII и XIX вв. часть эпических жанров освободилась от обязательности их исполнения в определенной бытовой обстановке (былины, исторические песни, сказки). В средние же века весь быт был тесно связан с обрядом, и обряд определял собой жанры, в том числе и фольклорные, — их употребление и их формальные особенности.

Литературно-фольклорная жанровая система русского средневековья была в отдельных своих частях более жесткой, в других — менее жесткой, но если ее брать в целом, — она была очень традиционной, сильно формализованной, мало меняющейся. В значительной мере это зависело от того, что система эта была по-своему церемониальной, тесно зависящей от обрядового ее употребления.

Чем более она была жесткой, тем настоятельнее она подвергалась изменению в связи с переменами в быте,

в обрядах и в требованиях применения. Она была негибкой, а следовательно — ломкой. Она была связана с бытом, а следовательно — должна была реагировать на его изменения. Связь с бытом была настолько тесной, что все изменения общественных потребностей и быта должны были отражаться в жанровой системе.

Говоря об этих изменениях, первое, на что следует обратить внимание, — это появление резкого несоответствия между светскими потребностями феодализирующегося в XI—XIII вв. общества и той системой литературных и фольклорных жанров, которая должна была эти новые потребности удовлетворять.

Система фольклорных жанров, достаточно определенная, была приспособлена по преимуществу для удовлетворения потребностей языческого родового общества. В ней не было еще жанров, в которых могли бы отражаться потребности христианской религии. В ней не было также жанров, которые отражали бы потребности феодализирующейся страны. Однако русским светским потребностям не могла полностью ответить и жанровая система византийской литературы, относящаяся в основном к более поздней стадии развития феодального общества. Вот почему уже с самого начала на Русь была перенесена не вся жанровая система византийской литературы, а только часть жанров: в первую очередь те, что были тесно связаны с христианским культом. Гораздо более отличными от византийских были светские потребности в литературе.

В чем же заключались эти потребности светского общественного быта Древней Руси XI—XIII вв.? В княжение Владимира I Святославича окончательно оформилось огромное раннефеодальное государство восточных славян. Это государство, несмотря на свои большие размеры, а может быть, отчасти именно вследствие этих своих размеров, не имело достаточно прочных внутренних связей. Экономические связи, в частности торговые, были слабы. Еще слабее было военное положение страны, раздираемой усобицами князей, которые начались сразу же после смерти Владимира I Святославича и продолжались вплоть до татаро-монгольского завоевания. Система, с помощью которой киевские князья стремились удержать единство власти и оборонять Русь от непрерывных набегов кочевников, требовала высокой патриотической сознательности князей и народа. На Любечском съезде 1097 г. был про-

возглашен принцип «Пусть каждый князь владеет землей своего отца». При этом князья обязались помогать друг другу в военных походах в защиту родной земли и слушать старшего. В этих условиях главной сдерживающей силой, противостоящей возрастающей опасности феодального дробления страны, явилась сила моральная, сила патриотизма, сила церковной проповеди верности. Князья постоянно целуют крест, обещая помогать и не изменять друг другу.

Раннефеодальные государства вообще были очень непрочными. Единство государства постоянно нарушалось раздорами феодалов, отражавшими центробежные силы общества. Чтобы удержать единство, требовались высокая общественная мораль, высокое чувство чести, верность, самоотверженность, развитое патриотическое самосознание и высокий уровень словесного искусства — жанров политической публицистики, жанров, воспевающих любовь к родной стране, жанров лиро-эпических.

Единство государства, при недостаточности связей экономических и военных, не могло существовать без интенсивного развития личных патриотических качеств. Нужны были произведения, которые ясно свидетельствовали бы об историческом и политическом единстве русского народа. Нужны были произведения, которые активно выступали бы против раздоров князей. Поражающей особенностью древнерусской литературы этого периода является сознание единства всей Русской земли без каких-либо племенных различий.

Для распространения этих идей было недостаточно одной литературы. Помощь церкви была в этих условиях так же важна, как и помощь литературы. Создается культ святых братьев князей Бориса и Глеба, безропотно подчинившихся руке убийц, подосланных их братом Святополком Окаянным. Создается политическая концепция, согласно которой все князья — братья, происходят от трех братьев — Рюрика, Синеуса и Трувора.⁶

Эти особенности политического быта Руси были отличны от того политического быта, который существовал в Византии и Болгарии. Идеи единства были отличны уже по одному тому, что они касались Русской земли,

⁶ См. подробнее: *Лихачев Д. С.* Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII веков. — Труды Отдела древнерусской литературы, М.; Л., 1954, т. 10, с. 76—91.

а не Болгарской или Византийской. Нужны были поэтому собственные произведения и собственные жанры.

Вот почему, несмотря на наличие двух взаимодополняющих систем жанров — литературных и фольклорных, русская литература XI—XIII вв. находилась в процессе жанрообразования. Разными путями, из различных корней постоянно возникают произведения, которые стоят особняком от традиционных систем жанров, разрушают их либо творчески их объединяют.

В результате поисков новых жанров в русской литературе и, я думаю, в фольклоре появляется много произведений, которые трудно отнести к какому-нибудь из прочно сложившихся традиционных жанров. Они стоят вне жанровых традиций.

Ломка традиционных форм вообще была довольно обычной на Руси. Дело в том, что новая, явившаяся на Русь культура была хотя и очень высокой, создав первоклассную «интеллигенцию», но эта культура налегла тонким слоем, слоем хрупким и слабым. Это имело не только дурные последствия, но и хорошие: образование новых форм, появление вне традиционных произведений было этим очень облегчено. Все более или менее выдающиеся произведения литературы, основанные на глубоких внутренних потребностях, вырываются за пределы традиционных форм.

В самом деле, такое выдающееся произведение, как «Повесть временных лет», не укладывается в воспринятые на Руси жанровые рамки. Это не хроника одного из византийских типов.

Как я предположил в свое время,⁷ жанр летописи возник в первой четверти XI в. на основе сборника житий первых русских святых, условно названного мной «Сказанием о первоначальном распространении христианства на Руси». Концепция эта вызвала возражения некоторых историков, указывавших, что исторические записи могли возникнуть и раньше. Однако речь шла у меня не о возникновении исторических записей, а только о появлении жанра летописания. Аналогичное положение было и в Чехии.⁸

⁷ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 58—75.

⁸ О. Кралик пишет: «В истории чешской и русской культуры есть сходство, которое сразу бросается в глаза: в начале XII в. и в Киеве, и в Праге появляются крупные летописные памят-

В дальнейшем в состав летописи входят отдельные исторические повествования, также не имеющие аналогий в литературах византийско-славянского круга.

«Повесть об ослеплении Василька Теробовльского» — это тоже произведение вне традиционных жанров. Оно не имеет жанровых аналогий в византийской литературе, тем более в переводной части русской литературы.

Ломают традиционные жанры произведения князя Владимира Мономаха: его «Поучение», его «Автобиография», его «Письмо к Олегу Святославичу».

Вне традиционной жанровой системы находятся «Моление» Даниила Заточника, «Слово о погибели Русской земли», «Похвала Роману Галицкому» и многие другие замечательные произведения древней русской литературы XI—XIII вв. Это типично именно для этого времени. В дальнейшем, в XIV—XVI вв., литературные произведения укладываются в установившиеся жанры, традиционно воспринятые из византийской литературы и вновь созданные на Руси.

Таким образом, для XI—XIII вв. характерно, что многие более или менее талантливые произведения выходят за традиционные жанровые рамки. Они отличаются младенческой мягкостью и неопределенностью форм. Новые жанры образуются по большей части на стыке фольклора и литературы. Такие произведения, как «Слово о погибели Русской земли» или «Моление» Даниила Заточника, в жанровом отношении — полулитературные-полуфольклорные. Возможно даже, что зарождение новых жанров происходит в устной форме, а потом уже закрепляется в литературе.

Типичным мне представляется образование нового жанра в «Молении» Даниила Заточника. В свое время я писал о том, что это произведение скоморошье. Скоморохи Древней Руси были близки к западноевропейским

ники. На Руси создается окончательная редакция Повести временных лет, а в Чехии декан Пражского капитула Козьма пишет свою „Хронику чехов“. Вряд ли можно утверждать, что и в предшествующий период историография обоих народов развивалась параллельно, но все же можно, пожалуй, наметить общие черты. Важнейшее сходство, как мне кажется, состоит в том, что и на Руси, и в Чехии развитие шло от легенды, жития к летописи, хронике в прямом смысле слова» (*Кралек О. Повесть временных лет и легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле. — Труды Отдела древнерусской литературы, М.; Л., 1963, т. 19, с. 191*).

жонглерам и шпильманам. Близки были и их произведения. «Моление» Даниила Заточника посвящено профессиональной скоморошьей теме. В нем скоморох Даниил выпрашивает «милость» у князя. Для этого он восхваляет сильную власть князя, его щедрость и одновременно стремится возбудить жалость к себе, расписывая свои несчастья и пытаясь рассмешить слушателей своим остроумием.

Но «Моление» Даниила Заточника — это не просто запись скоморошьего произведения. В нем есть и элементы книжного жанра — сборника афоризмов.

Одним из излюбленных чтений в Древней Руси были сборники афоризмов: «Стословец Геннадия», разного вида «Пчелы», частично — «азбуковники». Афористическая речь вторгалась в летопись, в «Слово о полку Игореве», в «Поучение» Владимира Мономаха. Цитаты из священного писания (и чаще всего из Псалтири) тоже употреблялись как своего рода афоризмы.

Любовь к афоризмам типична для средневековья. Она была тесно связана с интересом ко всякого рода эмблемам, символам, девизам, геральдическим знакам — к тому особому рода многозначительному лаконизму, которым были пронизаны эстетика и мировоззрение эпохи феодализма.

В «Молении» подобраны афоризмы, близкие к скоморошьим шуткам. В них есть элементы той «смеховой культуры», которая была столь типична для народных масс средневековья.⁹ Автор «Моления» издевается над «злыми женами», иронически перефразирует Псалтирь, в шутовской форме подает советы князю и т. д. «Моление» искусно соединяет в себе жанровые признаки скоморошьего балагурства и книжных сборников афоризмов.

Другой тип произведения, гораздо более серьезного, но вышедшего из той же среды княжеских певцов, представляет собой «Слово о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве» принадлежит к числу книжных отражений раннефеодального эпоса. Оно стоит в одном ряду с такими произведениями, как немецкая «Песнь о Нибелунгах», грузинский «Витязь в тигровой шкуре», армянский «Давид Сасунский» и т. д. Но особенно много общего в жанровом отношении у «Слова о полку Игореве» с «Песнью о Роланде».

⁹ См.: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Автор «Слова о полку Игореве» причисляет свое произведение к числу «трудных повестей», т. е. к повествованиям о военных деяниях (ср. «chansons de geste»).

О близости «Слова о полку Игореве» и «Песни о Роланде» писали многие русские и советские ученые — Полевой, Погодин, Буслаев, Майков, Каллаш, Дашкевич, Дынник и Робинсон. Однако прямой генетической зависимости «Слова» от «Песни о Роланде» нет. Может быть отмечена только общность жанра, возникшего в сходных условиях раннефеодального общества.

Но между «Словом о полку Игореве» и «Песнью о Роланде» есть и существенные отличия. Эти различия не менее важны для истории раннефеодального эпоса Европы, чем сходства.

В свое время я уже неоднократно писал о том, что в «Слове» соединены два фольклорных жанра — «слава» и «плач», прославление князей и оплакивание печальных событий. В самом «Слове» и «плачи» и «славы» упоминаются неоднократно. И в других произведениях Древней Руси мы можем заметить то же соединение «слав» в честь князей и «плача» по погибшим. Так, например, близкое по ряду признаков к «Слову о полку Игореве» «Слово о гибели Русской земли» представляет собой соединение «плача» о гибнущей Русской земле со «славой» ее могучему прошлому.

Это соединение в «Слове о полку Игореве» жанра «плачей» с жанром «слав» не противоречит тому, что «Слово о полку Игореве» как «трудная повесть» близка по своему жанру к «chansons de geste». «Трудные повести», как и «chansons de geste», принадлежали к новому жанру, очевидно соединившему при своем образовании два более древних жанра — «плачей» и «слав». «Трудные повести» оплакивали гибель героев, их поражение и восхваляли их рыцарские доблести, их верность и их честь.

Как известно, «Песнь о Роланде» не есть простая запись устного фольклорного произведения. Это книжная обработка устного произведения. Во всяком случае такое соединение устного и книжного представляет текст «Песни о Роланде» в известном Оксфордском списке.

То же самое мы можем сказать и о «Слове о полку Игореве». Это — книжное произведение, возникшее на основе устного. В «Слове» органически слиты фольклорные элементы с книжными.

Характерно при этом следующее. Больше всего книжные элементы сказываются в начале «Слова». Как будто бы автор, начав писать, не мог еще освободиться от способов и приемов литературы. Он недостаточно еще оторвался от письменной традиции. Но по мере того как он писал, он все более и более увлекался устной формой. С середины своего произведения он уже не пишет, а как бы записывает некое устное произведение. Последние части «Слова», особенно «плач Ярославны», почти лишены книжных элементов. Перед нами памятник, в котором фольклор вторгается в литературу, выхватывает его из системы литературных жанров, но не вводит в систему жанров фольклора. В нем есть близость к народным «славам» и «плачам», но по своему динамическому решению он приближается к сказке. Это произведение, исключительное по своим художественным достоинствам, но его художественное единство достигается не традиционностью, как это было обычным в средневековье, а нарушениями этой традиции, отказом от следования какой-либо устоявшейся системе жанров, объясняющимися воздействием действительности и влиянием сильной творческой индивидуальности автора.

Несмотря на то что переводная литература и литература оригинальная составляли единую систему, в которой оригинальные произведения как бы восполняли своей отзывчивостью на русскую действительность недостаточную связь с ней переводных, оригинальные произведения заметно отличались от переводных и по своему художественному строению.

Переводные произведения гораздо чаще, чем оригинальные древнерусские, представляли собой законченные сюжетные повествования, в которых литературный интерес преобладал над историческим. Древнерусские же оригинальные произведения, напротив, по преимуществу сосредоточивали свой интерес на историческом: стремились запечатлеть факты биографии святого или исторические события. В связи с этим переосмыслилось и понимание переводных произведений: как историческое повествование воспринималась «Александрия», как географическое — «Повесть об Индийском царстве», а поэма «О Дигенисе Акрите» при переводе была переделана в повесть. Характерно также полное различие повествований в переводных хрониках и в древнерусских летописях. В хронике гораздо большее значение, чем в летописях, прида-

валось занимательности; здесь — развитая сюжетность, короткие сюжетные рассказы, иногда с назидательным содержанием. Характерный пример — «Хроника Иоанна Малалы», в которой отдельные рассказы о событиях стремятся к занимательности, иногда сочетающейся с назидательностью. Русская летопись только в своей начальной части имеет подобные более или менее законченные рассказы, и то только потому, что в них отразились фольклорные сюжеты и устные предания.

Характерно также, что переводные притчи обрастали историческими деталями и становились рассказами о реально бывшем.

Таким образом, тонкий слой традиционных жанров, перенесенных на Русь из Византии и Болгарии, все время ломался под влиянием острых потребностей действительности. В поисках новых жанров древнерусские книжники в XI—XIII вв. часто обращались к фольклорным жанрам, но не переносили их механически в книжную литературу, а создавали новые из соединения книжных элементов и фольклорных.

В этой обстановке интенсивного жанрообразования некоторые произведения оказались единичны в жанровом отношении («Моление» Даниила Заточника, «Поучение», «Автобиография» и «Письмо к Олегу Святославичу» Владимира Мономаха), другие — получили устойчивое продолжение (Начальная летопись — в русском летописании, «Повесть об ослеплении Василька Теремовльского» — в последующих повестях о княжеских преступлениях), третьи — имели лишь отдельные попытки продолжить их в жанровом отношении («Слово о полку Игореве» — в «Задонщине»).

Отсутствие строгих жанровых рамок способствовало появлению многих своеобразных и высокохудожественных произведений.

Впоследствии процесс жанрообразования возобновился в XVI в. и протекал довольно интенсивно в XVII в.

В домонгольской литературе существовали крупные достижения, которые затем были утрачены и которые вновь нужно было восстанавливать в правах. «Повесть временных лет» была остросюжетным повествованием, особенно в своей вступительной части. Впоследствии летопись распалась на отдельные погодные записи. Были летописи, посвященные отдельным князьям, носившие характер истории княжения (Летописец Даниила Галиц-

кого). В дальнейшем такого рода истории княжений и царствований появляются лишь в XVI в. «Автобиография» Владимира Мономаха предвосхитила на несколько веков вперед появление автобиографий в XVII в.

Признаком высокого литературного развития, сознательного отношения к стилистическим приемам и появления индивидуальной манеры служит та полемика, которая время от времени возникала в Киевской Руси по литературным вопросам. Так, из послания Климента Смолятича к пресвитеру Фоме мы узнаем, что последний упрекал Климента в том, что тот опирался в своих сочинениях не на отцов церкви, а на Гомера, Платона и Аристотеля.

В «Слове о полку Игореве» мы имеем указание и на другую полемику: автора «Слова» со своим предшественником Бояном, манера которого казалась автору «Слова» устаревшей.

Процессы жанрообразования способствовали интенсивному использованию в этот период опыта фольклора (в «Повести временных лет» и других летописях, в «Слове о полку Игореве», в «Слове о погибели Русской земли», в «Молении» и «Слове» Даниила Заточника и т. д.).

Уровень индивидуализации стиля был также в древнерусский период сравнительно более высоким, чем в ближайшие последующие столетия. Наконец, незаключившийся период жанрообразования создавал довольно высокий уровень и в «секторе свободы».

Чем можно объяснить, что литература XI—XIII вв. во многом как бы предвосхищала будущее развитие древнерусской литературы? Я думаю, что причина в том, что тесные связи древнерусской литературы с византийской и южнославянскими позволили ей «ускоренно» развиваться. Литература жила не только своим опытом, но и опытом высокоразвитых литератур соседей. Однако главная причина, конечно, в общем высоком уровне развития древнерусской культуры в целом: вспомним высокий уровень живописи, архитектуры, прикладного искусства.

ЛИТЕРАТУРА ПРЕДВОЗРОЖДЕНИЯ

Пропуск античной стадии в развитии культуры поднял значение литературы и искусства в развитии восточного славянства. На литературу и другие искусства выпала, как мы видели, ответственнейшая роль — поддержать тот скачок, который произошел в результате пропуска рабовладельческой формации. Вот почему общественная роль искусства была чрезвычайно велика в XI—XIII вв. во всех областях восточного славянства.

Чувство истории, чувство исторического единства, призывы к политическому единению, разоблачение злоупотреблений властью распространялись на огромную территорию с большим и пестрым разноплеменным населением, с многочисленными полусамостоятельными княжествами.

Уровень искусств ответил уровню общественной ответственности, которая выпала на их долю. Но эти искусства не знали все же собственной античной стадии — только отклики чужой через Византию. Поэтому когда в России в XIV и начале XV в. создались социально-экономические условия для возникновения Предренессанса и этот Предренессанс действительно возник, он сразу в историко-культурном отношении был поставлен в своеобразные и невыгодные условия. Роль «своей античности» была возложена на Русь домонгольскую, Русь периода ее независимости.

Литература конца XIV—начала XV в. обращается к памятникам XI—начала XIII в. Отдельные произведения этого времени механически подражают «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Повести временных лет», «Слову о гибели Русской земли», «Житию Александра Невского», «Повести о разорении Рязани» и, самое главное, «Слову о полку Игореве» («Задонщина»). В зодчестве замечается аналогичное обращение к памятникам XI—XIII вв. (в Новгороде, Твери, Владимире), то же в живописи, то же в политической мысли (стремление возродить политические традиции Киева и Владимира Залесского), то же в народном творчестве (формирование Киевского цикла былин). Но все это оказывается недостаточным для Предвозрождения, и поэтому особое значение имеет укрепление связей со странами, пережившими античную стадию культуры. Русь

возрождает и укрепляет свои связи с Византией и со странами византийского культурного ареала — прежде всего с южными славянами.

Предвозрождение и последующее Возрождение — стадии культурного развития, общие для всего человечества. Они могут быть не достигнуты или могут быть пропущены в культурном развитии народа, но тогда недостаток их должен быть восполнен в последующем за счет общего культурного опыта человечества.

Восточное славянство, вступив на общий путь развития человечества в X и XI вв., завязав тесные связи с европейской литературой и не прерывая этих связей даже в самые тяжелые годы татаро-монгольского ига, неизбежно должно было вместе с Византией и южным славянством прийти к Предвозрождению.

Литература не только откликается на потребности действительности, когда воспринимает те или иные иноземные влияния, но обладает еще и собственными большими или меньшими способностями воспринимать эти влияния. Есть литературы, которые в силу особенностей своего внутреннего строения отличаются восприимчивостью, и при этом только к определенным явлениям других литератур, и есть иные, которых отличает как раз невосприимчивость.

Русская литература конца XIV—начала XV в. отличалась именно восприимчивостью к явлениям предвозрожденческого характера.

Предвозрождение не Возрождение. Хотя оно и связано с развитием индивидуализма, с эмоциональным развитием человека, с осознанием ценности человеческой личности, но еще не знает прямой секуляризации культуры. Развитие индивидуализма совершается пока в пределах религиозного сознания и связано с ростом индивидуалистического мистицизма. На Западе характерно появление учения Франциска Ассизского, в Византии — типологически близкого учения Григория Паламы с его индивидуализацией религиозного сознания и первыми элементами оправдания тела. Но Франциск Ассизский и Григорий Палама — это только характерные личности Предвозрождения. Течение Предренессанса широко и глубоко: оно захватывает многие культурные явления, часть которых боролась между собой. Ни одно из культурных явлений XIV—начала XV в. не остается в стороне от течения Предренессанса.

Для России XIV—XV вв. особое значение все же имели предвозрожденческие мотивы в учении исихастов. При этом неважно, кто из исихастов был известен на Руси больше и кто меньше: важны не те или иные конкретные мысли — важны те «настроения» Предвозрождения, которые были разлиты во всей культурной атмосфере эпохи. И с этой точки зрения особенно выразителен Григорий Палама.

Григорий Палама придает огромное значение человеку. Он ставит человека в центр вселенной и выше ангелов. Он защищает человеческое тело от средневековых представлений о нем как о злом начале и источнике греха.

Учение Григория Паламы имело непосредственное отношение к литературным исканиям своего и последующего времени. «Исходной точкой всего его (Паламы, — Д. Л.) учения является утверждаемая им полная непостижимость бога для разума и невыразимость его в слове».¹⁰ Поскольку божественное начало пронизывает собой мир (бог обнаруживает себя в мире в бесчисленных несозданных энергиях), тема бессилия полностью выразить словом божественную сущность становится темой бессилия слова вообще. Вот почему «плетение словес» достигает особой напряженности в похвалах святым. Палама сопоставляет мир с литературным сочинением. Бог создал человека последним. Человек — это заключение, суммирующее все сказанное богом перед тем: «Человек, этот большой мир (заключенный) в малом, является сосредоточием воедино всего существующего, возглавлением творений божиих; поэтому он и был произведен позже всех, подобно тому как мы к нашим словам делаем заключения; ибо вселенную эту можно было бы назвать сочинением Самоипостасного Слова».¹¹

В своем учении о непостижимости бога в имени Григорий Палама следует за Григорием Нисским и Дионисием Ареопагитом. Последний был также одним из любимейших авторов в XIV и XV вв. не только на Руси, но в Грузии и Армении.

Учение исихастов было теснейшим образом связано и с литературной практикой конца XIV—начала XV в.

¹⁰ *Кривошеин В.* Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы. — *Seminarium Kondakovianum*, Praha, 1936, t. 8, s. 102.

¹¹ Там же, с. 103.

Сомнения в рациональной постижимости мира привели к развитию в литературе эмоциональности, к экспрессивности стиля, к динамичности описаний. Вера в человека, развитие индивидуализма привели к росту субъективного начала в стиле; литература интересуется психологией человека, его внутренними состояниями, его внутренней взволнованностью. Появляется эмоционально-экспрессивный стиль.

Близость учения исихастов к предвозрожденческим настроениям и мотивам состоит не в отдельных их утверждениях, которые все в той или иной степени находятся в пределах православной традиции, сколько в акцентах, расставленных по-новому, и в новой «системе» утверждений, в «стиле» его богословствования.

Одна из характернейших и существеннейших черт Предвозрождения, а затем, в большей мере, Возрождения — это появление историчности сознания. Статичность предшествующего мира сменяется динамичностью нового. Этот историзм сознания связан со всеми основными чертами Предвозрождения и Возрождения.

В домонгольский период время космическое; оно исчисляется по временам года, сменам дня и ночи; оно все повторимо; время — круговорот. В XIV и XV вв. появляется сознание неповторимости эпох, событий, личности. Историзм органически связан с открытием ценности отдельной человеческой личности и с особым интересом к историческому прошлому.

Мир как история! — понимание это соединено с антропоцентризмом. Представление об исторической изменчивости мира связано с интересом к душевной жизни человека, с представлением о мире как о движении, с динамизмом стиля. Мир понимается и воспринимается во времени, и поэтому некий «сербин» устанавливает в Москве первые городские часы, а архиепископ Евфимий в Новгороде строит часозвоню.

Ничто не закончено, а поэтому и невыразимо словами; текущее время неуловимо. Его может лишь в известной мере воспроизвести поток речи, динамический и много-речивый стиль, нагромождение синонимов, обертоны смысла, ассоциативные ряды.

Предренессанс в русском изобразительном искусстве сказывается прежде всего в творчестве Феофана Грека и Андрея Рублева. Это два резко различных художника, но тем характернее они для Предренессанса, когда всту-

пают в свои права роль личности художника и индивидуальные различия становятся типичными явлениями эпохи. Слабее сказывается Предренессанс в литературе. Характерное явление Предренессанса — «Повесть о Петре и Февронии Муромских», имеющая тонкие связи со «Сказанием о Тристане и Изольде». Для Предренессанса характерны также «филологические» интересы книжников, «плетение словес», эмоциональность стиля и проч.

Когда начиная с середины XV в. стали падать одни за другими основные предпосылки образования Ренессанса, русское Предвозрождение не перешло в Ренессанс.

Предренессанс не перешел в Ренессанс, так как погибли города-коммуны (Новгород и Псков), борьба с ересями оказалась удачной для официальной церкви. Централизованное государство отнимало все духовные силы. Связи с Византией и западным миром ослабели из-за падения Византии и появления Флорентийской унии, обострившей недоверие к странам католичества.

Не дав развитого нового стиля, Предренессанс, как это мы увидим в дальнейшем, стал формализоваться и в XVI в. породил все те пышные официальные стили в литературе, которые были лишены подлинных творческих потенций.

Между тем Ренессанс связан с освобождением человеческой личности от средневековой корпоративности. Без этого освобождения не может наступить новое время — в культуре и, в частности, в литературе. Каждый великий стиль и каждое мировое движение имеют свои исторические функции, свою историческую миссию.

Сближение русского конца XIV—начала XV в. с итальянским Предвозрождением впервые было сделано искусствоведами.

Д. В. Айналов, который первый изучал расчищенную «Троицу» Рублева, усмотрел в ней влияние итальянского Возрождения.¹² Точку зрения Д. В. Айналова развивали Н. Сычев, А. Грищенко, Н. Пунин, Н. Щекотов, П. Муратов и др.

Это сближение «Троицы» с Предвозрождением и Возрождением было затем осмыслено как параллельные обращения к античности. Авторы отмечали особенную чувствительность всего русского искусства того же времени

¹² Айналов Д. В. История русской живописи от XVI в. по XIX в., СПб., 1913, с. 16—17.

к реминисценциям античности. Об этом писал в одной из своих ранних статей о «Троице» М. В. Алпатов,¹³ а еще до М. В. Алпатова — П. Флоренский¹⁴ и Ю. Олсуфьев.¹⁵

Осторожный и скептический Н. П. Кондаков считал, что «в русской иконописи наблюдается то же самое движение, что на Западе совершилось, конечно, с гораздо большею силою и блеском и что составляет собственно культурное достижение Европы в период так называемого Возрождения».¹⁶ Аналогичную точку зрения высказывает и немецкий ученый — К. Онаш.¹⁷

В своей последней книге Отто Демус выразил, однако, сомнение в том, что русское изобразительное искусство было способно уловить в искусстве византийском античные традиции. Его книга «Византийское искусство и Запад» заключается следующей тирадой: «...византийское искусство было живым продолжением греческого искусства и поэтому было способно привести западных художников назад к классическим истокам. Так, процесс, который я пытался обрисовать (в этой книге, — Д. Л.), являлся действительно частью гораздо более широкого всеобъемлющего процесса — процесса выживания, передачи и возрождения эллинизма. Конечно, Византия была способна сыграть свою роль в этом процессе только благодаря умению западных художников видеть греческое в византийском. Как это было важно, можно, по-видимому, понять, если на мгновение мы попытаемся вообразить художников, которые испытали глубокое влияние византийского искусства, но не были способны обратиться к классическим истокам Византии. Такие художники действительно существовали: это были иконописцы Древней Руси. Они также были учениками Византии, но они никогда не стали знатоками античности. Поэтому их путь не привел к Возрождению или к новому гуманизму.

¹³ *Alpatov M.* La «Trinité» dans l'art byzantin et l'icone de Roublev. — *Échos d'Orient*, Paris, 1927, N 146, p. 150—186.

¹⁴ *Флоренский П.* Троице-Сергиева Лавра и Россия. — В кн.: Троице-Сергиева лавра. [Сергиев посад], 1919, с. 5 и др.

¹⁵ *Олсуфьев Ю.* Иконопись. — В кн.: Троице-Сергиева лавра, с. 78 и др.

¹⁶ *Кондаков Н. П.* Русская икона, III. Текст, ч. 1. — *Seminarium Kondakovianum*, Praha, 1931, t. 3, s. 8—9.

¹⁷ *Onasch Konrad.* Renaissance und Vorreformation in der byzantinisch-slawischen Orthodoxie. — In: *Aus der byzantinistischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik*, I. Berlin, 1957, S. 288—302.

Искусство их затерялось в декоративной путанице народного искусства». ¹⁸

Движение Предвозрождения и Возрождения не есть индивидуальная особенность развития итальянского искусства. Поэтому не могут быть приняты возражения некоторых исследователей, ¹⁹ усматривающих в концепции Н. И. Конрада попытку распространить категорию Возрождения (или хотя бы Предвозрождения) на весь цивилизованный мир. Возрождение свойственно всем тем культурам, которые проходят полный путь развития. В конечном счете таких народов не так уж много. Заслуги итальянской культуры этим ничуть не умаляются. Итальянский Ренессанс был наиболее полным проявлением Ренессанса, известного и другим народам. Италия действительно создала свое классическое Возрождение в предельном напряжении сил, хотя классичность итальянского Возрождения обязана не только этому напряжению сил, но и классичности смен формаций и стадий исторического развития на Апеннинском полуострове. Не будь здесь античности и средневековья — не было бы и итальянского Возрождения, ибо одним напряжением сил, не направляемым предшествующими стадиями исторического развития, Возрождение не могло бы быть создано (нечего было бы «возродить» или пришлось бы обращаться к чужой античности). Не может быть ничего обидного для итальянской культуры в признании стадии Возрождения и для неитальянских народов. Каждый путь развития народа своеобразен, несмотря на наличие общих формаций и культурных стадий.

Ленин писал: «... разные нации идут одинаковой исторической дорогой, но в высшей степени разнообразными зигзагами и тропинками». ²⁰

Россия не повторяла чужого исторического пути. Ее путь был своеобразен, и это своеобразие в первую очередь определялось наличием или пропуском определенных стадий развития. Пропуск же вызывал необходимость обращения к чужому опыту.

¹⁸ Demus Otto. Byzantine Art and the West. London, 1970, p. 239—240.

¹⁹ Ср., например, возражения Н. И. Конраду в статье В. И. Рутенбурга «Итальянское Возрождение и „Возрождение мировое“» (Вопросы истории, 1969, № 11).

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 184.

Н. И. Конрад поставил вопрос «о формах и уровнях эпохи Возрождения в отдельных странах»,²¹ о типологических сходствах и различиях отдельных Возрождений, о положении каждого из Возрождений в мировом историческом процессе. Применительно к Руси XIV—XV вв. все это еще подлежит внимательному изучению.

То обстоятельство, что Предвозрождение в России не перешло в Возрождение, имело, как мы увидим в дальнейшем, серьезные последствия: незрелый стиль стал рано формализоваться и застывать, а живое обращение к «своей античности», постоянное возвращение к опыту домонгольской Руси, к периоду ее независимости вскоре приобрело черты особого консерватизма, сыгравшего отрицательную роль в развитии не только русской литературы, но и русской культуры XVI—XVII вв.

ЛИТЕРАТУРА

«НЕУДАВШЕГОСЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Одной из причин неудачи Возрождения была гибель еретического движения. Ереси, начавшиеся в русских центрах Предвозрождения — Новгороде и Пскове (так называемая ересь стригольников, а затем ересь новгородско-московская), не были ересями в полном смысле этого слова. По-видимому, ереси эти не имели какого-либо законченного и упорядоченного учения. Мы знаем о них главным образом из сочинений их противников, заинтересованных в том, чтобы преувеличить их «опасность» и добиться казней. Вероятнее всего, это даже была не ересь (т. е. не богословское учение, отрицающее какие-либо из церковных догматов), сколько движение вольнодумцев. Вольнодумцы эти критически относились к церкви и к отдельным догматам православия, но больше тянулись к светским знаниям, усиленно занимались астрологией и логикой. Это было, по всей вероятности, гуманистическое течение, с которым с большей или меньшей достоверностью связывается ряд западнорусских рукописей конца XV—XVI в. научного и полунаучного содержания. Движение это не затронуло сельского населения,

²¹ Конрад Н. И. Об эпохе Возрождения. — В кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967, с. 45.

оставаясь, в сущности, так же как и течение гуманистов на Западе, городским и по составу своих участников — «интеллигентским», доступным для немногих. Это движение имело серьезное прогрессивное значение, пробуждая пытливість, вводя в круг образованности новые сочинения, создавая новый круг интересов. Победа официальной церкви тяжело отозвалась на судьбе возрожденческих идей вообще.

Элементы Возрождения могут быть усмотрены не только в ересях. В первой половине XVI в. возрожденческие идеи сказались в публицистике. Здесь проявилась типичная для Возрождения вера в разум, в силу убеждения, в силу слова, стремление к преобразованию общества на разумных началах, идея изначальной разумности естественного устройства мира, «естественного права», идея служения государства интересам народа и многое другое.

Публицистика XVI в. отражала по преимуществу борьбу внутри класса феодалов: между дворянством и боярством. Передовые дворянские публицисты считали себя заступниками общенародных интересов. Невольно в сочинения дворянских публицистов проникают некоторые ренессансные идеи и представления. Так, например, Иван Пересветов выдвигает принцип равенства всех перед лицом государя, ратует против неравенства по рождению и за неравенство, создаваемое самим правительством, награждающим лучших. Он выступает за свободу страны.

Характерно, что предложения реформ на разумных основаниях совпадают с аналогичными предложениями на Западе. Томас Мор хотел устыдить современное ему английское общество примером некоего острова «Утопии», где нехристианское население живет более мудро, чем христианское английское общество. Иван Пересветов в своих челобитных аналогичным образом стыдит русского государя и русское государство примером турецкого султана. Его предложения гораздо менее детализированы, чем предложения Томаса Мора, но зато и радикальнее. Если Томас Мор сохранял рабство на своем идеальном острове, то Пересветов выступает не только против рабства, но и против неравенства, если оно не оправдано личными заслугами человека.

Другой русский публицист — Федор Карпов — пишет об обетованной стране живых, о земном рае, где все зиждется на разумных основаниях и царствует «все вечна

премудрость». Третий публицист — Ермолай-Еразм — говорит об обязанностях государя перед своими подданными, о его долге заботиться об их общем благе и выступает против знатности.

Представления о том, что общество может быть организовано на разумных началах и что можно убедить монарха делать добрые дела, проникают и в историческую литературу.

Знаменем нового отношения к исторической теме явилась «История о великом князе московском» князя Андрея Курбского. Впервые в русской историографии появился труд, цель которого заключалась не в том, чтобы просто изложить события, связанные с той или иной страной, городом, монастырем или историческим лицом, а вскрыть причины, происхождение того или иного явления. Таким явлением, которое пожелал Курбский объяснить в своей «Истории», были жестокость Грозного, начатое им «лютое гонение» на людей, особенно тех, которые пытались быть самостоятельными, принесшее неисчислимы бедствия стране. Ответ, который дает Курбский в своей «Истории», вполне в духе XVI в.: всему тому виной злые советники. Курбский, как и Пересветов, верит в силу разума и в силу слова. Поэтому злой или добрый совет может переменить характер царя, направить историю по новому пути.

В целом XVI век характеризуется чрезвычайным развитием публицистической мысли. Публицистика проникает в летопись, в жития святых, в деловую письменность, выходит за пределы литературы, оживляя собой произведения живописи, особенно настенной, менее связанной с традицией (ср., например, сюжеты несохранившихся росписей Золотой палаты Московского кремля). Этому развитию публицистики способствовали, с одной стороны, ренессансная вера в силу слова и в силу убеждения, а с другой — сам процесс централизации Русского государства, вступившего на путь реформ и тем самым стимулировавшего реформаторскую мысль. Идея необходимости реформ развивалась не только отдельными представителями дворянства, но постепенно проникала во все сферы государственной жизни.

В самом образовании централизованного государства, в его идеях и в официальной литературе были отдельные ренессансные мотивы. Государство не просто разрасталось, объединяя отдельные княжества и перенимая их

власть, — изменялась сама идея власти, идея ее назначения и полномочий. Государство бралось исправлять жизнь, нравы, отвечать за правоверие подданных, и все это в размерах, не виданных прежде. Инициатива вмешательства в социальное устройство страны шла, таким образом, не только снизу, но и сверху. Пафос реформаторства овладевает Иваном III, Василием III и, особенно, — Иваном Грозным. Последний в своем нетерпеливом рвении создать упорядоченное государство, централизовать нравы и веру, не считаясь ни с какими средствами, опускается до одной из самых жестоких тираний в Европе.

В XVI в. постепенно и осторожно начинает отходить в прошлое теологический взгляд на человеческое общество. «Законы божественные» еще сохраняют свою авторитетность, но наряду со ссылками на священное писание появляются вполне «ренессансные» ссылки на законы природы. На естественный порядок вещей в природе как на образец для подражания людям в общественной и государственной жизни ссылается ряд писателей XVI в. Проекты Ермолая-Еразма основаны на представлении о том, что хлеб — основа жизни хозяйственной, общественной и духовной. Иван Пересветов в своих писаниях почти не пользуется уже богословскими аргументами. Развитие публицистики в XVI в. связано с верой в силу убеждения, в силу книжного слова. Никогда так много не спорят в Древней Руси, как в конце XV—XVI в. Развитие публицистики идет на гребне общественного подъема веры в разум. Сам царь Грозный вступает в полемику со своими идейными противниками и заботится об идеологическом истолковании своей политики.

Развитие публицистической мысли вызвало появление новых форм литературы. XVI век отмечен сложными и разносторонними исканиями в области художественной формы, в области жанров. Устойчивость жанров нарушена. В литературу проникают деловые формы, а в деловую письменность — элементы художественности. Темы публицистики — темы живой, конкретной политической борьбы. Многие из тем, прежде чем проникнуть в публицистику, служили содержанием деловой письменности. Вот почему формы деловой письменности становятся формами публицистики.

В «деяния» Стоглавого собора внесена сильная художественная струя. «Стоглав» — факт литературы в той же

мере, как и факт деловой письменности. В литературных целях используется форма дипломатической переписки: например, в выдуманной, литературной переписке, якобы бывшей между турецким султаном и Иваном Грозным. Пересветов пишет челобитные. Дипломатические послания, постановления собора, челобитные, статейные списки становятся формами литературных произведений.

Использование деловых жанров в литературных целях было одновременно развитием вымысла, до того весьма ограниченного в литературных произведениях, и приданием этому вымыслу формы достоверности.

Появление вымысла в летописях XVI в. было связано с внутренними потребностями развития литературы в ее самоотделении от деловых функций и вызывалось публицистическими задачами, особенно остро вставшими перед летописью в XVI в. Летопись становилась школой патриотизма, школой уважения к государственной власти. Летопись должна была внушить читателям убеждение в безошибочности и святости государственной власти, а не только регистрировать (хотя бы и весьма пристрастно) отдельные исторические факты.

Особенно отчетливо вымысел сказывается в «Степенной книге». Пока это еще только «государственный вымысел», «государственная легенда», составлявшаяся авторами «Степенной», но все-таки это был уже вполне сознательный вымысел — «ложь во спасение» государственного престижа. Однако другая потребность в вымысле — потребность, вызванная внутренними причинами развития литературы, также вполне отчетлива в «Степенной книге». Поскольку «разрешено» первое, постольку авторы начинают разрешать себе и второе. Никакими государственными заботами не было вызвано сочинение «романтической» истории любви князя Юрия Святославича Смоленского к княгине Юлиании Вяземской или детали романтической биографии княгини Ольги. Перед нами «сочетание беллетристического (сюжетного) и публицистического вымысла».²²

Тот же «двойственный» характер вымысла (один стимул поддерживает другой) может быть отмечен и в других исторических сочинениях XVI в., например в Казан-

²² Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 429.

ской истории, где фантастические элементы вторгаются и в описание похода русского войска, и в романтическую биографию царицы Сумбеки.

Фантастичность, которую еще стеснялись пускать в дверь, проникала в окно, прорубаемое официальными и пропагандистскими тенденциями.

В историю властно вторгается политическая легенда. Политическая теория Русского государства нашла себе выражение в «Сказании о князьях владимирских». Этим «Сказанием» пользовалась русская дипломатия, отстаивая престиж Русского государства. Темы «Сказания» были изображены на барельефах царского престола в Успенском соборе Московского кремля. На нем основывались официальные государственные акты и чин венчания на царство. Были и другие сочинения и теории, пытавшиеся обосновать мировую роль Русского государства. Русские люди все чаще и чаще задумывались над вопросами мирового значения своей страны. Большую известность получила, в частности, теория псковского старца Филофея о сменяющихся друг друга Римах, третьим и последним из которых является Москва.

Повести о Вавилонском царстве рассказывали чудесную историю царских регалий. Повесть о новгородском белом клобуке говорила об особой роли России во вселенской церковной жизни и, в частности, подчеркивала значительность новгородской церковной святыни — белого клобука, который новгородские архиепископы получили якобы из Византии, куда он был перенесен из первого Рима — от папы Сильвестра.

Стремление обосновать особую церковную значительность Русской земли сказалось в массовых составлениях житий (биографий) русских святых и в установлении их повсеместного культа.

Политическая легенда явилась одним из проявлений усиления в литературе художественного вымысла.

Древнерусская литература предшествующего времени боялась открыто фантастического и воображаемого как лжи, неправды. Она стремилась писать о том, что было, или о том, что, по крайней мере, принималось за бывшее. Фантастическое могло приходить извне, в переводах: «Александрия», «Повесть об Индийском царстве», «Стефанит и Ихниллат». При этом фантастическое либо принималось за правду, либо считалось притчей, нравоучением, существовавшими и в Евангелии.

Развитие древнерусской литературы на протяжении всех ее веков представляет собой постепенную борьбу за право на художественную «неправду». Художественная правда постепенно отделяется от правды бытовой. Литературное воображение легализуется, становится официально допустимым.

Но, вступая в свои права, фантастика долго маскируется изображением бывшего, действительно существовавшего или существующего. Вот почему в XVI век жанр «документа», как формы литературного произведения, вступает в литературу одновременно с вымыслом.

Движение литературы к документу и документа к литературе представляет собой закономерный процесс постепенного «размывания» границ между литературой и деловой письменностью. Процесс этот в литературе был связан с деловой жизнью Русского государства, со встречным процессом роста и становления жанров государственного делопроизводства и появления архивов. Он был крайне необходим для разрушения старой и становления новой системы жанров.

* * *

А. С. Орлов обратил внимание на то, что в XVI в. русская культура идет по пути создания крупных «обобщающих предприятий». К ним А. С. Орлов отнес Стоглавый собор и его постановления — знаменитый «Стоглав», «Домострой», «Лицевой летописный свод» Грозного, «Великие минеи четьи» митрополита Макария, «Степенную книгу», даже начало книгопечатания и создание первопечатного «Апостола». Но дело не только в культурном «обобщении» и уничтожении областничества в культуре: создание сильного и централизованного государства, сосредоточение всех народных сил на его строительстве обусловило стремление государства подчинить своим интересам и всю культурную жизнь, все виды творчества, литературу в первую очередь. Я. С. Лурье в последнее время сделал даже предположение, что в XVI в. беллетристика, т. е. собственно литература, как бы отходит на второй план. В рукописях этого времени исчезает развлекательная тема.

Несомненно, что государство, занятое реформами политическими, церковными, социальными, экономическими и даже реформами быта, сильно нуждалось в помощи

литературы, но все же оно не было всеильно. Рукописная деятельность многочисленных писцов и авторов не подчинялась и не могла подчиниться требованиям государства, не могла быть им контролируема. Инициатива государства в создании новых произведений была сильнее, чем возможности государственного контроля над старой и текущей письменностью. И вот впервые создается резкое разделение литературы — на официальную и неофициальную. Официальная литература стремится закрепить существующее в пышных формах и грандиозных размерах: это «Стоглав», «Великие минеи четьи», «Лицевой летописный свод», «Степенная книга». Неофициальная литература также втянута в ход государственного строительства: она предлагает реформы, обсуждает все темы общественной жизни, приобретает публицистический характер, но публицистически-государственный, широко социальный, подходящий к тем же вопросам, что и официальная литература, но с освященных классовыми интересами личных точек зрения.

Объединяет и ту и другую часть литературы глубокий интерес к самым важным темам жизни народа, его прошлого и его будущего. Но если официальная литература стремилась всеми путями оправдать существующее и создать этому существующему авторитет пышности, авторитет масштабов и авторитет грандиозной мирозерцательной системы, перед которыми бессильны усилия отдельных людей, то литература неофициальная стремилась все государственные вопросы сделать предметом общего обсуждения, требовала разумного обоснования всего существующего, исходила из представлений о необходимости подчинения всего существующего в социальной и государственной жизни доводам разума.

Несмотря на всю внешнюю противоположность этих двух важнейших частей русской литературы — противоположность идейную, жанровую, стилистическую, историческое значение обеих областей литературы было в равной степени огромным. Общественное место литературы в жизни государства возросло необычайно. Тематами литературы стали наиболее важные проблемы современности, истории и будущего. При этом в литературе определились различные точки зрения на различные вопросы русской жизни, и эти различные точки зрения были уже не только точками зрения тех или иных официальных учреждений (скажем, великокняжеская точка зрения или

митрополичья), тех или иных социальных групп (крупного духовенства или мелкого, боярства или дворянства), тех или иных областей русского государства (новгородская точка зрения на события русской истории в летописи или оценка событий с точки зрения тверского княжества), но и индивидуальной, личной точкой зрения того или иного писателя (точка зрения Иосифа Волоцкого, Пересветова, Ермолая-Еразма, Сильвестра, Ивана Грозного и т. д.). Конечно, личная писательская точка зрения была подчинена его классовым позициям, но при всем том она оставалась все же его личной точкой зрения, его пониманием классовых интересов, и она требовала индивидуального литературного оформления. За этими официальными взглядами следовало и усиление индивидуальных особенностей стиля. Исполдволь личность писателя занимала все большее и большее место в литературе.

Одним словом, русская литература хотя и не пришла в XVI в. к Возрождению, к появлению литературы нового типа, тем не менее благодаря установленным ей внешним преградам накопила в себе достаточно сил и возможностей для перехода к литературе нового типа, для развития индивидуального начала в литературе, для ее секуляризации, для нового деления на жанры и т. д., и т. п.

В литературе XVI в. — и в ее официальной части, и в ее неофициальной — есть уже незаметная для современников общая предопределенность: эта литература в большей мере, чем прежние, «чревата будущим», она чревата неизбежностью Ренессанса. Задача историков литературы выявить в ней эти скрывающиеся элементы будущего и за внешним консерватизмом ее официальной части увидеть общие для всей литературы накопления элементов нового. Современники обманывались, не замечая в ней это новое. Его можно увидеть лишь *post factum*. Сама консервативность служила движению вперед, восстанавливая против себя общественное мнение.

* * *

С судьбами идейной жизни литературы сопряжены и все изменения литературных стилей.

Эмоциональный стиль, выработавшийся в конце XIV — начале XV в., не смог перейти в стиль Возрождения

в конце XV и в XVI в. Поэтому судьба этого стиля, искусственно заторможенного в своем развитии, сложилась неблагоприятно. Стиль этот сильно формализуется, отдельные приемы окостеневают, начинают механически применяться и повторяться, литературный этикет отрывается от живой потребности в нем и становится застылым и ломким. Этикетные формулы начинают употребляться механически, иногда в отрыве от содержания. Литературный этикет крайне усложняется, а в результате этого усложнения исчезает четкость его употребления. Появляется некоторый «этикетный маньеризм».

Все очень пышно и все очень сухо и мертво. Это совпадает с ростом официальности литературы. Этикетные и стилистические формулы, каноны употребляются не потому, что этого требует содержание произведения, как раньше, а в зависимости от официального — государственного и церковного — отношения к тому или иному описываемому в произведении явлению.

Произведения и их отдельные части растут, становятся большими. Красота подменяется размерами. Возникает тяга к монументальности, которая в отличие от домонгольского периода главным своим признаком имеет большие размеры, масштабы. Авторы стремятся действовать на своих читателей величиной своих произведений, длиной похвал, многочисленностью повторений, сложностью стиля. Остановимся, к примеру, на стиле «Степенной книги». По происхождению своему стиль «Степенной книги» или стиль других пышных исторических сочинений того же времени, в той их части, в которой они не являются простым заимствованием из предшествующих произведений, — это стиль «плетения словес». Однако искусное, но и искусственное нагромождение синонимов, единоначатий, риторических оборотов, любовь к пышной фразеологии, преувеличенные похвалы и прочее лишены подлинной экспрессии, оставляют читателя холодным и равнодушным.

Автор «Степенной книги» открыто говорит в начале, что его задача — идеализация русских исторических лиц. «Степени» его книги, как утверждает автор, золотые, они составляют лестницу, ведущую на небо. Утверждаются же эти степени «многообразными подвигами» в благочестии просиявших скипетродержателей. Книга состоит из «дивных сказаний», «чюдных повестей». Она рассказывает о «святопоживших боговенчаных» царях и великих

князьях, «иже в Русей земли богоугодно владальствовавших», и об их митрополитах. За «житием и похвалой» того или иного лица следует новая «похвала», затем «похвала вкратце», молитва за усопшего и к усопшему (в зависимости от того, канонизован он или нет), «паки похвала» и т. п. Идеализируются не только отдельные деятели русской истории, но вся Русская земля, весь ход ее истории, род государей в целом, ее державные города — Киев, Новгород, Владимир, Тверь, Москва. Идеализируются самые события, ход которых закругляется, сжимается, лишается излишних деталей, сопровождается правоучениями, вскрывающими их назидательный смысл. Все характеристики, все правоучения и отступления строго подчинены литературному или просто придворному этикету. Многословное изложение «Степенной книги» не трогает, однако, читателя. Задача автора состоит только в том, чтобы представить историю как государственный парад, внушающий читателю благочестивый страх и веру в незыблемость и мудрость государства.

Тому же «второму монументализму» в литературе отвечала потребность Грозного говорить в своих произведениях целыми «паремиями и посланиями», приводить многоречивые и обильные цитаты, стремиться поражать читателя церковной эрудицией и т. д.

Но эпоха подавления «естественного» пути развития литературы не могла все же отразиться на всей литературе и на всем искусстве. Внимательный наблюдатель литературы и живописи этого времени может обнаружить следы совсем особых настроений, не созвучных требованиям жестокости, идеалам непреклонности, насаждаемым государством Грозного. Это особенно часто можно заметить во фресковой живописи, но также в станковой и в литературе. Вдруг в образе строгого и мудрого Николы появляются черты нежности и неволевого задумчивости, созерцательности (икона Николы Зарайского Суздальского музея), в «Великих mineях четых» Макария появляются сюжет или мотив, в которых красной нитью проходят черты нежности, созерцательности, внимательного отношения к человеческой личности, особой акварельности, совсем не свойственных тем идеалам, которые насаждались сверху, или тому ужасу, который внушала вся внешняя обстановка царствования Грозного. Значительно растет психологическая наблюдательность писателей.

Перед нами своеобразная интеллектуальная оппозиция всему духу времени, сама по себе и трогательная, и выразительная, и значительная, свидетельствующая о силе человечности, о живом духе литературы.

С другой стороны, и сама официальная литература, становившаяся все более сухой, помпезной и вознесенной над конкретной реальностью, нуждалась в оживлении, и это оживление приходило от быта, от «низких» тем, от бытовой речи.

Бытовые элементы проникают в послания Грозного, вызывая язвительные реплики Курбского. Быт проникает в сочинения митрополита Даниила, Иосифа Волоцкого, в «Домострой». Все это предвещало последующее снижение известной части литературы. XVI век включает в себе зерна многих явлений, которые затем развились в XVII в. Значение этих зерен мы можем оценить только в свете того, что выросло из них в XVII в.

* * *

Разные типы литературы — официальный и неофициальный — имеют аналогии в явлениях архитектуры того же периода. С одной стороны, официальный тип успенских храмов, обширных, монументальных и более или менее традиционных в своих формах; с другой — архитектура, идущая навстречу народным вкусам и формам народного же деревянного зодчества. Архитектурные формы, как и живописные композиции, становятся более разнообразными и дробными, растет декоративность силуэтов. В искусстве проявляется своеобразный «маньеризм».²³

Все эти черты резко усилятся в XVII в. В частности, разделение литературы класса феодалов на литературу официальную, «государственную» и литературу прогрессивного дворянства было необходимой подготовкой более глубокого, уже чисто классового разделения литературы — появления литературы в среде эксплуатируемых. Никогда раньше ни один век не был таким «предчувствием» следующего века, как шестнадцатый. Это объясняется тем, что потребность в Ренессансе назрела, не-

²³ Этот «маньеризм» конца XVI и первой половины XVII в. некоторые исследователи принимают за барокко.

смотря на все препятствия на пути к его развитию. Устремленность к Ренессансу, появившаяся еще во второй половине XV в., была отличительной чертой XVI в.

ПЕРЕХОДНЫЙ ВЕК

XVII век — век подготовки радикальных перемен в русской литературе. Началась перестройка структуры литературы как целого. Чрезвычайно расширяется количество жанров за счет введения в литературу форм деловой письменности, которым придаются чисто литературные функции, за счет фольклора, за счет опыта переводной литературы. Усиливаются сюжетность, развлекательность, изобразительность, тематический охват. И все это совершается в основном в результате огромного роста социального опыта литературы, обогащения социальной тематики, разрастания социального круга читателей и писателей.

Деление литературы на официальную и неофициальную, возникшее в XVI в. в результате «обобщающих предприятий» государства, в XVII в. теряет свою остроту. Государство продолжает выступать инициатором некоторых официальных исторических сочинений, однако последние не имеют уже того значения, что раньше.

Частично литературные произведения создаются при дворе Алексея Михайловича или в Посольском приказе, но они выражают точку зрения среды придворных и служащих, а не выполняют идейные задания правительства. Здесь, в этой среде, могли быть и частные точки зрения или, во всяком случае, известные варианты.

Литература разрастается по всем направлениям, ослабевает в своих центростремительных силах, лежавших в основе ее устойчивости как определенной системы. В литературе развиваются центробежные силы. Она становится рыхлой и удобной для перестройки и создания новой системы — системы литературы нового времени.

* * *

Если бы кто-нибудь из исследователей детально сравнил с чисто литературоведческой точки зрения произведения, посвященные Смуте начала XVII в., с произведе-

ниями, посвященными татаро-монгольскому нашествию второй четверти XIII в., то он смог бы наглядно и убедительно показать тот огромный путь, который прошла русская литература за неполных четыре века, отделяющих одни от других. Какое различие в изображении событий, народа, отдельных лиц, в построении сюжета, в трактовке причин и мотивов! Это не значит, что события Смуты породили произведения, более высокие в художественном отношении, чем события иноземного нашествия первой четверти XIII в. Совсем нет! Дело идет не о художественной ценности произведений, а об их положении в развитии литературы и о типе их художественности. Представления о том, что древняя русская литература не имела развития, основаны на слабой изученности древнерусской литературы как литературы в собственном смысле слова. Она изучалась, как об этом говорил акад. А. С. Орлов, по преимуществу «книговедчески».

События Смуты во многом потрясли и изменили представления русских людей о ходе исторических событий как якобы управляемых волей князей и государей. В конце XVI в. прекратила свое существование династия московских государей, началась крестьянская война, а с нею вместе и польско-шведская интервенция. Вмешательство народа в исторические судьбы страны выразилось в этот период с необыкновенной силой. Народ заявлял о себе не только восстаниями, но и участием в обсуждении будущих претендентов на престол.

Общественная роль литературного слова по-прежнему была высока. Появились не только подметные письма, памфлеты, политические сказания, но и многочисленные обширные исторические сочинения, посвященные только что произошедшим событиям. Активность литературы в начале XVII в. была чрезвычайно интенсивной. Авторы литературных произведений этого периода не только обсуждают события, но и эгоцентрически оправдываются в своем поведении в годы Смуты. С большей широтой и глубиной они рассматривают характер исторических лиц, анализируют мотивы их поведения. Больше, чем прежде, их интересуют нравы высших слоев общества.

Исторические сочинения, посвященные Смуте, свидетельствуют о резком возрастании социального опыта во всех классах общества. Этот новый социальный опыт сказывается в секуляризации исторической литературы.

Именно в это время вытесняется из политической практики, хотя еще и остается в сфере официальных деклараций, теологическая точка зрения на человеческую историю, на государственную власть и на самого человека. Несмотря на то что исторические сочинения, посвященные Смуте, говорят о ней как о наказании за грехи людей, самые эти грехи рассматриваются уже в широком общественном плане (главная вина русского народа — «бессловесное молчание» и общественное попустительство преступлениям властей), а во-вторых, возникает стремление найти реальные причины событий — по преимуществу в характерах исторических лиц.

Характеристики исторических лиц составляют отныне одну из главных целей исторического повествования. По сути дела, например, «Временник» Ивана Тимофеева представляет собой собрание характеристик деятелей Смуты и самих событий Смуты. Так же точно и «Словеса» Ивана Хворостинина состоят в основном из характеристик деятелей Смуты, начиная с Бориса Годунова. То же самое может быть сказано и о «Повести» кн. И. М. Катырева-Ростовского, в конце которой помещено даже особое «Написание вкратце о царях московских, о образех их, и о возрасте, и о нравах». В известной мере то же стремление к обсуждению характера исторических деятелей отличает и другие сочинения о Смуте: «Сказание» Авраамия Палицына, «Иное сказание», «Повесть» С. Шаховского и др. Появляются и произведения, специально посвященные тому или иному историческому лицу, например Михаилу Скопину-Шуйскому.

В характеристиках действующих лиц возникает необычное для предшествующего периода смешение добрых и злых черт, возникает представление о характере, его формировании под влиянием внешних обстоятельств и его изменении. Такого рода новое отношение к человеку не только бессознательно отражается в литературе, но и начинает определенным образом формулироваться. Автор русских статей Хронографа 1617 г. прямо декларирует свое новое отношение к человеческой личности — как к сложному соединению злых и добрых черт.

Еще одна черта знаменует новизну подхода к своим темам авторов начала XVII в. — это их субъективизм в интерпретации событий. Эти авторы были по большей части сами активными деятелями Смуты. Поэтому в своих сочинениях они выступают отчасти и как мемуаристы. Они

пишут о том, чему были свидетелями и участниками, стремятся оправдать собственную позицию, которую они занимали в то или иное время. Этими автобиографическими элементами наполнены сочинения Авраамия Палицына, Ивана Тимофеева, Ивана Хворостинина и др. В этих сочинениях уже заложен тот интерес к собственной личности, который будет интенсивно сказываться в течение всего XVII века.

Особый тип исторических сочинений, посвященных Смуте, не возник внезапно. Он был подготовлен уже в XVI в., особенно в замечательной «Истории о великом князе московском» Андрея Курбского. Подготовленный в предшествующий период, он отразился в последующем. Достижения этого рода исторического повествования сказались в «Повестях об Азове», где обороной руководит только народ без полководца или князя. В повестях о Смуте развились также автобиографизм, новое отношение к человеку, обостренное внимание к прагматической связи событий и т. д.

Несомненно, что в этом историческом повествовании первой четверти XVII в. действовал тот «замедленный Ренессанс», который давал себя знать уже в XVI в.

Впрочем, не только «замедленный Ренессанс» сказался в русской литературе XVII в. Были в ней реликты явлений еще более ранних. И в XVII в. продолжает биться слабая жилка лирического отношения к человеку. От XIV в., от «застрявших» в русской культуре элементов Предвозрождения, это лирическое отношение, этот стиль умиротворенного психологизма перешел и в XVII век, дав новую вспышку в «Повести о Марфе и Марии», в «Житии Ульянии Осоргиной», в «Повести о Тверском Отроче монастыре». Это вполне закономерно: будучи искусственно заторможена, линия психологического умиротворения продолжала сказываться еще три столетия, противостоя нажиму резких и «холодных» чувств «второго монументализма».

Социальное расширение литературы сказалось и на ее читателях, и на ее авторах. С середины XVII в. появляется демократическая литература. Это литература эксплуатируемого класса. Литература начинает классово дифференцироваться.

Так называемая «литература посада» и пишется демократическим писателем, и читается демократическим читателем, и посвящена она темам, близким демократиче-

ской среде. Она близка фольклору, близка разговорному и деловому языку. Она часто антиправительственна и антицерковна — принадлежит «смеховой культуре» народа. Она во многом подобна народной книге на Западе. Это тоже «замедленный Ренессанс», но несший в себе очень сильное взрывчатое начало, разрушавшее средневековую систему литературы.

Демократические произведения XVII в. важны для историко-литературного процесса еще в одном отношении. Развитие литературы, даже самое медленное, никогда не совершается равномерно. Литература движется порывами, порывы же всегда связаны с некоторым расширением поля деятельности литературы. Первое такое значительное расширение осуществилось еще в XV в., когда приход в литературу более дешевого, чем пергамен, писчего материала — бумаги повлек за собой появление массовых форм письменности: сборников, рассчитанных на широкое индивидуальное чтение. Читатель и переписчик часто сливаются в одном лице: переписчик переписывает те произведения, которые ему нравятся, составляет сборники для «неофициального», личного чтения. Характер этих сборников выяснен наблюдениями Р. П. Дмитриевой.²⁴

В XVII в. — новый толчок в сторону массовости литературы — это произведения демократического характера. Они настолько массовые, что историки литературы XIX и начала XX в. признавали их недостойными изучения — «заборной литературой». Они пишутся неряшливой или деловой скорописью, редко тотчас же переплетаются, оставаясь в тетрадочках и распространяясь среди малоимущих читателей. Это второй «порыв к массовости». Третий будет в XVIII в., когда литература попадет на печатный станок и разовьется журналистика с ее новыми, общеевропейскими жанрами.

Черты, типичные для демократической литературы XVII в., мы можем наблюдать и за ее собственными пределами. Многие перекликается с ней в переводной литературе и, в частности, в переводном псевдорыцарском романе. Демократическая литература не стоит обособленно во всем том новом, что она внесла в историко-литературный процесс.

²⁴ Дмитриева Р. П. Четыре сборники XV века как жанр. — Труды Отдела древнерусской литературы, Л., 1972, т. 27, с. 150—180.

Смена влияний, которая произошла в русской литературе XVII в., также характерна для этого периода перехода к типу литератур нового времени. Обычно отмечалось, что первоначальная ориентированность русской литературы на литературы византийского круга сменяется в XVII в. ориентированностью западноевропейской. Но важна не столько эта ориентированность на западные страны, сколько ориентированность на определенные типы литератур.

Русская литература, как и всякая большая литература, всегда была тесно связана с литературами иных стран. Связь эта в Древней Руси была не менее значительной, чем в XVIII и XIX вв. Можно даже считать, что русская литература до XVII в. представляла некоторое — впрочем, ограниченное определенными, по преимуществу церковными жанрами — единство с литературами южнославянскими. Это мы отмечали уже выше. С развитием национальных начал в жизни всех славянских литератур к XVII в. южнославянские и византийско-славянские связи русской литературы несколько ослабевают и возникают более интенсивные связи с литературами западнославянскими, но тип этих связей уже другой. Эти связи идут не столько по линии церковных отношений, сколько по линии «беллетристики» и литературы, предназначенной для индивидуального чтения. Меняется, следовательно, тип тех памятников, к которым обращается русская литература. Раньше она обращалась по преимуществу к памятникам средневекового типа, к жанрам, уже представленным в русской литературе. Теперь же возникает заинтересованность в памятниках, характерных для нового времени, — это особенно заметно в театре, в стихотворстве. Однако на первых порах «вливают» и переводятся не первоклассные произведения, не литературные новинки, а памятники старые и в какой-то мере «провинциальные» (в драматургии, например). Знаменательно, что псевдорыцарский роман, который интенсивно проникал на Русь в XVII в., был еще тесно связан с эпохой Возрождения: здесь тот же авантюристический дух, те же открытия новых земель, смелость, ловкость и удачливость молодого героя, полагающегося только на себя, и т. п. И это, конечно, не случайно. Но недалеко то время, когда русская литература войдет в непосредственный контакт с литературой высшего ранга, с первоклассными писателями и их произведениями.

Но дело не только в типах литератур, к которым обращается русская литература. Дело еще и в том, как она к ним обращается. Мы видели, что в XI—XIII вв. произведения литератур византийского ареала «трансплантируются» на Русь, «пересаживаются» сюда и здесь продолжают развиваться. Нельзя сказать, что этот тип иноземного воздействия исчез в XVII в., но теперь появляется и новый тип воздействия, характерный для литератур нового времени. Еще в конце XIV—начале XV в. так называемое второе южнославянское влияние было не столько литературным, сколько общекультурным и богословским. Оно приходило с самими памятниками, переносившимися на Русь от южных славян. В XVII в. переносятся не столько памятники, сколько стиль, литературные приемы, направления, эстетические вкусы и представления.

Как одно из проявлений влияния нового типа может рассматриваться и русское барокко.

Русское барокко — это не только отдельные произведения, переведенные с польского или пришедшие с Украины и из Белоруссии. Это прежде всего литературное направление, возникшее под влиянием польско-украинско-белорусских воздействий. Это новые идейные веяния, новые темы, новые жанры, новые умственные интересы и, конечно же, новый стиль.

Всякое более или менее значительное воздействие со стороны осуществляется лишь тогда, когда возникают собственные, внутренние потребности, которые формируют это воздействие и включают его в историко-литературный процесс. Барокко также пришло к нам вследствие своих, достаточно мощных потребностей.

Мне уже приходилось писать о том, что русское барокко играло в России роль Ренессанса.²⁵ Неполное воплощение Ренессанса в России, медленное и слабое его развитие не сняло потребности в нем. Барокко, которое в других странах пришло на смену Ренессансу и являлось его антитезисом, оказалось в России по своей историко-литературной роли близким Ренессансу. Оно носило просветительский характер, во многом содействовало освобождению личности и было связано с процессом секуляризации, в противоположность Западу, где в некоторых случаях в начальных стадиях своего развития барокко

²⁵ Лихачев Д. С. Барокко и его русский вариант XVII века. — Русская литература, 1969, № 2, с. 42.

знаменовало собой как раз обратное — возвращение к церковности.

И все же русское барокко — это не Ренессанс. Оно не может равняться с западноевропейским Ренессансом ни по масштабам, ни по своему значению. Не случайна и его ограниченность во времени и в социальном отношении. Это объясняется тем, что подготовка к русскому Ренессансу, вылившемуся в формы барокко, шла слишком долго. Отдельные ренессансные черты стали проявляться в литературе еще раньше, чем эти черты могли вылиться в определенное движение. Ренессанс частично «растерял» свои черты по пути к своему осуществлению.

Поэтому значение русского барокко как своеобразного Ренессанса — перехода к литературе нового времени — ограничивается ролью «последнего толчка», приблизившего русскую литературу к типу литературы нового времени. Личностное начало в литературе, которое до барокко проявлялось эпизодически и в разных сферах, в барокко слагается в определенную систему. Секуляризация, происходившая в течение всего XVI и первой половины XVII в. и проявлявшаяся в разных сторонах литературного творчества, только в барокко становится полной. Накапливающиеся новые жанры и перемена значения старых жанров только в барокко приводят к сложению новой системы жанров — системы нового времени.

Появление новой системы жанров — основной признак перехода русской литературы от средневекового типа к типу нового времени.

Чем в общих чертах различаются эти два типа? Средневековая литература выполняет свое общественное назначение непосредственно и прямо. Жанры средневековой литературы несут определенные «практические» функции в устоявшемся быте, в укладе церковном, юридическом. Жанры различаются главным образом по своей предназначенности для выполнения тех или иных жизненно необходимых функций. Художественность как бы дополняет и вооружает литературные жанры, способствуя разрешению непосредственно жизненных задач. Литература нового времени выполняет свое общественное назначение прежде всего через художественное начало. Жанры литературы определяются не «деловой» предназначенностью, а чисто литературными свойствами и отличиями. Литература отвоевывает независимое место в культурной жизни общества. Она получает свободу от обряда, уклада,

от деловых функций и тем самым становится способной выполнять свою общественную функцию не дробно, не в связи с тем или иным предназначением жанра, а тоже непосредственно, но непосредственно художественно и на более свободном от деловых функций уровне. Она поднялась высоко и стала царить в жизни общества, не только выражая уже сформировавшиеся за ее пределами взгляды и идеи, но и формируя их.

Весь историко-литературный процесс предшествующего времени есть процесс формирования литературы как литературы, но литературы, существующей не для себя, а для общества. Литература — необходимая составная часть истории страны.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СЕМИСОТЛЕТНЕГО РАЗВИТИЯ

Когда говорят о своеобразии литературы, необходимо определять, от чего «отсчитывается» это своеобразие. Своеобразие сравнительно с чем? Сравнительно с другими литературами? Но их много, и они все различные.

Я отмечал в начале этой статьи, что культура и литература, в частности, «в своем идеале» проходят одинаковые стадии развития: античность, средневековье, Возрождение, Новое время. Каждая из этих стадий имеет во многом сходные типологические черты. В констатации общности мирового развития — одно из существеннейших завоеваний марксистской мысли. Но отклонения от этой «нормы» возможны, многообразны, и они влекут за собой различные последствия для индивидуальности литературы.

В поисках национального своеобразия какой-либо литературы мы должны прежде всего определить ее отношение к этой общей, хотя и часто нарушаемой, «нормальной» схеме исторического развития.

Задача истории русской литературы X—XVII вв. состоит не только в том, чтобы характеризовать «эпохи литературного развития», но и в том, чтобы характеризовать самый тип развития, движущие силы, меняющиеся отношения литературы и действительности, выявлять многообразные линии и направления развития.

Остановимся кратко на тех линиях и тенденциях развития, которые могут быть отмечены в русской литера-

туре X—XVII вв. и которые переходят затем и в новое время.

Эти «внутренние» тенденции и линии развития средневековой русской литературы определялись в конечном счете мощным, но не всегда непосредственным воздействием действительности.

Прежде всего необходимо отметить, что литература, привнесенная извне, из Византии и Болгарии, как целое, как система определенных жанров и целых произведений, постепенно во всех ее формах и проявлениях идет на детальное сближение с русской действительностью. Литература вырабатывает новые жанры, отвечающие нуждам русской жизни и способные отражать идеи, темы и сюжеты, возникающие в условиях русской действительности. Византийско-славянская система жанров существенно изменяется, разветвляется, обогащается. Возникают различные формы стилей, разные формы сближения «высокого» церковно-славянского литературного языка с языком деловой письменности и с устной речью в ее многообразных проявлениях.

Этот процесс сближения с русской действительностью своеобразно соединяется с процессом постепенного освобождения литературы от чисто деловых и церковных задач. Литература отвоевывает свое собственное поле действия, все более выходит в сферу художественности. Литература становится литературой, и это означает, что она свободнее и тем самым теснее и точнее отражает жизнь. Этот процесс освобождения литературных произведений от деловых функций отчасти связан с постепенной секуляризацией всей русской культуры. Литература становится все более светской даже в некоторых ее церковных жанрах (жития святых, проповедь и проч.). И это особенно заметно в XVI и XVII вв.

Литература, эмансипируясь и становясь литературой в собственном смысле этого слова, одновременно завоевывает собственное прочное положение в духовной жизни общества. Общественное значение литературы энергично возрастает.

Этот рост общественного значения литературы связан с расширением ее социального охвата. Все более и более расширяется социальный круг читателей, а также и авторов. Это последнее обстоятельство меняет соотношение литературы и фольклора. Первоначально «водораздел» между литературой и фольклором проходил главным об-

разом в области жанров. Фольклор, распространенный во всех слоях общества, восполнял отсутствие в литературе лирических и развлекательных жанров. Литература же, доступная главным образом господствующему классу (хотя отдельные жанры устно, через церковь, были «обязательны» для всех), удовлетворяла не все потребности в художественном слове. В XVII в. фольклор отступает по преимуществу в народ, а вслед за отступающим фольклором в ту же среду начинает проникать литература. Создается литература демократического посада. Процесс перераспределения социальных сфер действия литературы и фольклора — также одна из самых важных линий развития искусства слова.

Социальное расширение литературы естественно связано с расширением тем, с расширением социально допустимого в литературе, а последнее влечет за собой приближение средств изображения к изображаемому, «упрощение» части литературы, проникновение в литературные произведения просторечия и элементов реалистичности.

Для средневековых литератур, особенно ранних, характерно преобладание традиционности, инертности формы, постепенно «взламываемой» новым содержанием. Произведения подчиняются литературному этикету, включают в себе традиционные образы и устойчивые формулы (воинские, агиографические и т. д.). Традиционность формы не следует рассматривать только как недостаток. Она облегчает создание новых произведений, подобно тому как стандартизация строительного материала облегчает строительство, но, конечно, затрудняет появление индивидуализированных памятников. Традиционность в литературе облегчала ее «генетические» способности, «вариативность» текста произведений и тем не менее тормозила развитие литературы. Вот почему традиционность литературы, вначале, в XI—XIV вв., весьма высокая, постепенно усложняясь, начинает терять свои позиции. Возникает потребность не только в индивидуальном лице произведения, но и в индивидуальном авторе — авторе, имеющем свою, интересующую читателей биографию, свой литературный стиль, свои, только ему присущие убеждения. Роль личности в литературе возрастает настолько, что в XVII в. появляются уже писатели-профессионалы, хотя отдельные черты профессионализма были свойственны писателям и более раннего времени (Пахомий Серб — XV в., Максим Грек — XVI в.). Роль

личности возрастает и в литературных произведениях: с конца XIV в. усиливается интерес к внутреннему миру человека, возрастает эмоциональность, а с начала XVII в. начинают складываться первые представления о человеческом характере. В XVII в. биография писателя начинает играть все большую роль в литературном развитии. Яркие биографии имеют писатели — деятели Смуты, отдельные стихотворцы, Аввакум и др.

Постепенное падение традиционности и возрастание личностного начала в литературе — это две линии, тесно связанные между собой.

Наконец, на протяжении первых семи веков развития русской литературы могут быть прослежены и более узкие тенденции ее развития: например, изменение метафор, метонимий и некоторых других художественных средств в сторону их большей изобразительности, снижение роли символов и аллегорий и т. д. Может быть отмечена как особая линия в развитии литературы «эмансипация» художественного времени, появление и усиление художественной значимости настоящего времени, сделавшего, в числе многих других условий, возможным появление театра.

Трудно перечислить все те линии и направления, которые могут быть обнаружены исследователями самого процесса развития литературы. В частности, следует обратить внимание на изменение типа иностранных влияний. Несомненно, что византийское влияние или влияние болгарское были в русской литературе X—XIII вв. качественно и структурно отличны от влияния западноевропейского в XVII в. Здесь тоже скрыта особая и важная линия развития.

Все эти линии и тенденции развития в своих общих формах более или менее свойственны всем средневековым литературам на путях их перехода к типу литератур нового времени. Однако своеобразие исторического пути древнерусской литературы отразилось на всех этих линиях и тенденциях и привело к своеобразию ее достижений.

«Трансплантация» византийских и болгарских памятников привела к «трансплантации» же идей всечеловечества. Русская литература развила и донесла до нового времени эту заботу об общих судьбах всего мира, а не только русского народа. Вместе с тем с самого начала, призванная к тому нуждами русской действительности,

русская литература определилась как высокопатриотическая, с обостренным национальным самосознанием. Это в значительной мере объясняется особой ролью, которая выпала на долю литературы в период феодальной раздробленности: недостаток экономических и политических связей между отдельными областями и княжествами восполняет литература, напоминая о единстве Русской земли, о ее исторической общности.

Большое общественное значение русской литературы, обусловленное особенностями самой действительности, сохранилось за ней на протяжении последующих веков.

В частности, ускоренное строительство Русского централизованного государства в XV и XVI вв. потребовало участия в нем литературы. В литературе начинают преобладать большие, непосредственно государственные и социальные темы, развивается публицистика, и публицистичность в той или иной степени овладевает всеми жанрами русской литературы, тормозя развитие «беллетристичности», развлекательности, «сюжетности» и «косвенности». Литература постепенно приобретает сугубо учительный характер — сперва более или менее церковный, затем светский.

Долго задержавшееся Предвозрождение способствовало развитию в русской литературе эмоциональности и «особой сердечности».

Обилие жанров (привнесенных извне и своих), различные стилевые пласты этих жанров привели к обогащению и развитию литературного языка, к появлению в нем различных его модификаций.

Однако были не одни только достижения. Сравнительно поздняя эмансипация человеческой личности и поздняя секуляризация литературы не дали в достаточной мере развиться и расцвести в ней, вплоть до середины XVIII в., личностному началу. Развитие личностного начала совершалось с большим трудом, и только во второй половине XVIII в. позволило русской литературе достичь уровня других литератур нового времени.

Можно было бы отметить и ряд других характерных для русской литературы X—XVII вв. черт, явившихся следствием ее исторического положения, однако в задачу данной статьи входит лишь обратить внимание на особенности исторического пути русской литературы, остановиться на ее динамическом своеобразии, а не на статическом, на характерных ее чертах, появляющихся и ис-

чезающих, — в первую очередь. Только определив эти «временные» черты и особенности, можно затем более или менее полно определить и то, что в русской литературе нового времени «осталось» как более или менее постоянное.

(Русская литература, 1972, № 2, с. 3—36)